

Ү истоков Рүси

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

Мстислав, сын Мономаха

У истоков Руси

Олег Яковлев

Мстислав, сын Мономаха

«ВЕЧЕ»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Яковлев О. И.

Мстислав, сын Мономаха / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2020 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-2068-9

Начало XII века. Мстислав, старший сын князя Владимира Мономаха, с двенадцати лет княжит в Новгороде и потому оторван от семьи – родителей, братьев, сестёр. Для новгородцев Мстислав тоже не стал «своим», и его тяготит чувство одиночества. Даже повзрослев, он живёт как будто сам по себе, не чувствует себя Мономаховичем и лишь усмехается, когда отец читает ему своё «Поучение». Лишь позднее сын Мономаха поймёт, что в «Поучении» сокрыт бесценный опыт! Мстиславу суждено пройти долгий и тернистый путь, чтобы в итоге набраться мудрости и стать продолжателем отцовского дела по «собираанию Руси» в единый кулак.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-2068-9

© Яковлев О. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вступление	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	27
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	53
Глава 15	57
Глава 16	59
Глава 17	63
Глава 18	66
Глава 19	68
Глава 20	70
Глава 21	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Олег Яковлев

Мстислав, сын Мономаха

© Яковлев О.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Вступление

В лето 6596 (1088)

Шум и оживление царили на черниговском дворе князя Владимира Мономаха. По обе стороны широких провозных ворот рядами стояли гружённые снадью и оружием телеги, красовались просторные возки с расписными боками, громко ржали кони. Как потревоженные муравьи в муравейнике, сновали взад-вперёд челядинцы, гридни¹, подгоняемые хриплым голосом дворского.

Давно уже по Чернигову ползли неясные слухи, знающие люди говорили: ушёл от новгородцев их князь Святополк, сел в Турове², поближе к стольному Киеву, ждёт не дожждётся смерти своего престарелого дяди Всеволода, отца князя Владимира, мыслит взобраться на киевский великий «злат стол». Остался Новгород без князя. Хотят новгородцы, чтоб ехал к ним кто-нибудь из Владимировых сыновей. Иначе для чего которую неделю толкутся в Чернигове послы из Новгорода – седобородые степенные бояре в долгих кафтанах, перетянутых золочёными поясами? Для чего в просторных палатах ведут они с князем и его ближними людьми длинные беседы?

Наконец князь Владимир, рассеяв все разноречивые слухи, объявил на городском вече свою волю:

– Даю новгородцам во князя старшего сына.

...Ещё вчера двенадцатилетний отрок Мстислав беззаботно играл с меньшими братьями в лапту, гонял голубей, сбегал с высокой кручи к берегу Десны, окунался со смехом в её холодную прозрачную, как зеркало, воду, а сегодня, сосредоточенный, вытянувшийся в струнку, стоит он посреди двора в шёлковой рубахе и алом плаще с серебряной дорогой фибулой³. Ноги отрока облегают поскрипывающие при ходьбе сапожки из сафьяна, голову покрывает парчовая шапочка. На глазах мальчика блестят слёзы, он смотрит на огромный отцовский терем, изукрашенный и раскрашенный, весь расписанный золотом и киноварью⁴; на розовый собор Спаса с облитыми свинцом куполами и стройными башенками; на подъёмные крепостные мосты, переброшенные через наполненный мутной водой ров.

Провожать мальчика в дальний неизведанный путь высыпала на крыльцо вся семья.

Мать, княгиня Гида, стоит бледная – ни кровинки на лице. Сухонькая, маленькая, она долго наставляет твёрдым ровным голосом своего любимца-первенца:

– Дядьку Павла во всём слушай. Смотри вокруг, в каждое дело вникай. Помни: доля княжья нелёгкая. Праздности и веселью всуе не предавайся. Учись с людьми ладить, жить в мире. Не руби сплеча...

Мстислав молча кивает, прикусив до боли губу. Мать всегда с ним такая – строгая, никогда не улыбнётся, но знает княжич, чувствует, сколь сильно она его любит, сколь тяжело ей отпускать его в чужой город, к чужим людям; ведаёт, как долго убеждала она отца отказать новгородским посланникам. Но державные заботы превыше всего, и что в сравнении с ними их чувства, что он сам, двенадцатилетний несмышлёный парнишка, в волнении не знающий, куда сейчас девать руки?

---

¹ Гридни – категория младших дружинников на Руси. Часто выполняли функции телохранителей князя.

² Туров – город в Южной Белоруссии, в X–XIII веках столица Турово-Пинского княжества.

³ Фибула – дорогая застёжка плаща, крепилась у плеча.

⁴ Киноварь – краска из одноимённого минерала, красного цвета.

Ласковые белые материнские длани обнимают Мстислава, он, не выдержав, рыдает, уронив голову, Гида успокаивает его, похлопывая по плечу.

– Негоже, сын. Ведь князь ты.

Княгиня говорит твёрдо, с едва заметным акцентом.

Много лет назад приплыла она, беглая англосаксонская королева, совсем почти девочка, на длинной ладье к своему жениху, принеся с собой горькие рассказы о покорении Англии нормандским герцогом Вильгельмом⁵. Отец Гида погиб в жестоком бою при Гастингсе, мать умерла от горя, а юная сирота-королева долгое время скиталась по Европе.

Холодными зимними вечерами она рассказывала своему маленькому первенцу о пережитых невзгодах, и перед глазами ребёнка Мстислава вставали мрачные картины каменных замков, необъятных морских просторов под серыми небесами, нескончаемых беспощадных схваток. Таков был мир вокруг, и вот теперь, в двенадцать свои лет Мстислав входил в него, становился сам частью этого огромного мира с его страстями и суестью.

В честь отца княгини Гида Мстислав получил второе имя – Гáрольд, но таким непривычным чужеземным именем, которое, по правде сказать, и самому Мстиславу нисколько не нравилось, называла его только мать, да и то редко. При крещении его нарекли Феодором, в честь греческого святого Феодора Стратилата – это имя было как-то ближе, родней, привычней, так звали его иной раз и отец, и братья, и дядька-пестун Павел.

Павел открыл перед отроком другой мир – книги в драгоценных окладах, увлекательные и поучительные. От Павла и из книг Мстислав узнавал про великие дела предков, про своего прадеда, князя Ярослава, во всём ставшего для него примером, про его брата Мстислава Храброго, с упоением читал и слушал рассказы об осаде русами Константинополя⁶, о походе на Корсунь⁷, об Игоре и Ольге, о покорении враждебной Хазарии. Отныне – это было странным и не совсем понятным – он, Мстислав, тоже будет занесён в летописные свитки; люди, вся Русь, да и не только она, узнает о его существовании, и он должен будет стать достойным продолжателем славы предков.

С годами придёт к нему честолюбие, княжеская гордость, сейчас же этих качеств ещё не было у ребёнка, с трудом сдерживающего слёзы.

Вымученно улыбаясь, Мстислав оглядел стоявших рядом с матерью братьев. Изяслав, паробок одиннадцати лет с весёлыми озорными глазами, вдруг вмиг погрузневший, сосредоточенный, хмурил бледное чело. Возле него стоял шестилетний темноволосый Ярополк в нарядном кафтанчике, перебирал пальцами раздвоенные концы кожаного пояса. Он ещё не понимал, видно, до конца, зачем это его так празднично нарядили сегодня и почему так смотрят все на старшего брата.

К материному длинному саяну испуганно жалась маленькая сестричка Марица, просто-волосая, с туго заплетённой светлой косичкой.

Мстислав обнял и расцеловал всех по очереди. К нему подошёл отец, молвил негромко: – Ну, с Богом, Мстиславе.

Ко княжичу подвели низкорослую кобылку с позолоченным стремяем. Мстислав, невысокий и шупленький для своих лет (весь пошёл в мать), вскарабкался в седло и, махнув на прощание рукой, тронул поводья.

Кони выехали за ворота и рысью понеслись по пыльному шляху. Тревожно стучало в груди Мстислава сердце, он с опаской поглядывал на седобородых бояр в дорогих опашнях⁸

---

⁵ Речь идёт о завоевании Англии нормандцами в 1066 году.

⁶ Константинополь (Новый Рим) – в IV–XV веках – столица Византийской империи, ныне – г. Стамбул в Турции. Русское название – Царьград.

⁷ Корсунь – русское название г. Херсонеса – византийской колонии в Крыму, вблизи совр. Севастополя.

⁸ Опашень – верхняя одежда с короткими рукавами, обычно летняя.

и высоких горлатных⁹ шапках. Что теперь будет? Какая жизнь ждёт его в далёком чужом Новгороде?

Мстислав стиснул зубы и поторопил кобылку.

Взбирался он с холма на холм, мчался через буераки и балки, пересекал мелкие речушки, подмечая ненароком, как копыта кобылки будоражат песчаное дно. Скрипели за его спиной телеги, кричали, подхлёстывая саврасых лошадей-тяжеловозов, возничие, тяжело громыхали на ухабах обозы. Волнение охватывало Мстислава, он устремлял взор вдаль, подставляя лицо под струи холодного северного ветра.

Первый путь начинался для юного князя-отрока. Сколько ещё таких путей будет у него впереди? Неисповедимы пути Господни.

---

⁹ Горлатная шапка – шапка из душatego меха. Душатые меха подбираются из части меха на шее пушного зверя.

Глава 1

12 лет спустя...

С вершины одного из немногих пологих холмов, что тянутся цепочкой вдоль берега Волхова, взору Мстислава открывалась бескрайняя, подобная глади моря равнина. За рекой простирались широкие луга с жёлтой уже травой, их окаймляла синеющая стена густого хвойного леса, а за ней не было видно уже ничего, лишь проступала в туманной дали линия горизонта – едва заметная глазу граница между вечно серым, затянутым тучами небом и удивительно плоской, ровной землёй.

От созерцания необъятного вольного простора у Мстислава захватывало дух. И думалось: вот таким же вольным, непокорным, с открытой душой должен быть и народ, населяющий этот суровый северный край. Но, как ни странно, люди, с которыми молодому князю приходилось сталкиваться каждый день вот уже много лет, хоть и выставляли напоказ всюду, где могли, непокорство своё, вольнолюбие, смелость, вовсе не обладали ни открытостью, ни величием. Были это по большей части грубоватые и хитрые упрямцы, себе на уме, тонко чужавшие свою выгоду; такие твёрдо стоят на ногах, их не обманешь, не уведёшь в сторону. Даже не верилось, что вот они способны создавать чарующие взор фрески, полные неземного горнего огня; что строят они прекрасные белые церкви, как корабли на море высящиеся посреди равнин. Когда падали отражения их на чистую волховскую гладь, Мстиславу всякий раз казалось: это белеют там, на речном дне, строения сказочного подводного царства.

Окинув пристальным взглядом берег Волхова и просторные дали, Мстислав, мягко ступая ногами во влажных от дождя тимовых¹⁰ сапогах, украшенных золотой прошвой, спустился к дороге.

Гуслиар Олекса, отрок лет пятнадцати, держал под уздцы двух коней, своего и княжеского, с высокой лукой, дорогим сафьяновым чепраком и серебряным стремяем.

Ласково проведя рукой по морде вороного любимца, Мстислав торопливо вскочил в седло.

– Трогаем, Олекса, – хмуря чело, коротко отрезал он, но, взглянув на гуслиара, невольно улыбнулся.

Вспомнилась ему жаркая сеча на реке Колокше¹¹, когда добыл он первую свою славу, разбив с новгородцами и белозерцами рать князя Олега Святославича – того, что прозван был за бесчисленные свои крамолы Гореславичем. Горе сеял на Руси Олег вместо хлеба, слёзы – не улыбку вызывал на лицах людей, но, слава Христу, не добрался со своими союзниками-половцами¹² до Новгорода Великого, не познал этот край ужаса разорения. Обрубил молодой Мстислав хищнику крылья, и засел с той поры злосчастный неутомимый Олег в другом Новгороде – Северском, что находится в земле северян, на высоких холмистых берегах быстрой Десны.

А Мстислав, окрепший, возмужавший, радостный, счастливый от сознания первой своей победы, смилив врага, возвратился тогда со славою в Новгород и вместе с собой привёл вот этого совсем ещё юнца, суздальца Олексу, который умел услаждать слух звонкими песнями

---

¹⁰ Тим – род сафьяна.

¹¹ Колокша – река в совр. Владимирской области. В 1096 году Мстислав разбил на берегах Колокши войско князя Олега Святославича и заставил его уйти из Ростово-Суздальской земли.

¹² Половцы – союз тюркоязычных кочевых племён, в XI–XIII веках населяли причерноморские степи. Совершали частые набеги на Русские земли.

и тем пришёлся по нраву князю, любившему проводить время в окружении сладкозвучных певцов.

В битве на Колокше Олексе принять участие не довелось – пожалел его Мстислав, побоялся, что найдёт молодца лихая стрела или острая вражья сабля; оставил его в разорённом Олегом Суздале. Но там не было у Олексы уже никого из родных: мать умерла давно, отец, старый ремесленник-гончар, погиб в пламени пожара, а братья и сёстры разбежались кто куда. Не мог Олекса более смотреть на пепелище, какое осталось от родной хаты; сочинил и спел, играя на гусях, печальную песнь да отправился за князем Мстиславом в далёкий Новгород.

С тех пор князь и гусяр стали неразлучны. На пиру ли, в дальнем ли выезде на полюдье¹³ – всюду были они вместе, и привык Мстислав делиться с другом всем самым сокровенным, всем, что есть на душе.

Так – в пирах, охотах, походах за данью – проходили год за годом. Где-то далеко на юге кипели страсти, полыхали пожары княжеских котор¹⁴, свирепствовали половцы – но здесь, в суровом северном крае, стояла тишина, ничего не менялось, крепко сидели люди на земле, вели торговлю, занимались ремеслом, на ладьях бороздили просторы холодного Варяжского моря¹⁵. А меж тем Мстиславу нет-нет да и приходилось поглядывать на юг, на Киев, и понимал молодой князь: нет, не забыл Святополк, нынешний киевский владетель, как сидел в Новгороде долгих десять лет, помнит, чем богата Приильменная земля, спит и видит на новгородском столе своего посадника.

Изредка вдруг появлялся в городе человек из Киева, тихо собирал вокруг себя бояр, шептался о чём-то и исчезал внезапно, словно его и не было.

Глубокая складка пробегала тогда по челу Мстислава, становился он задумчивым, раздражительным, не хотел видеть никого, даже Олексу. Но проходила неделя, месяц, и снова возвращалась к Мстиславу обычная напускная беззаботность, гонял он по лесам зверей, созывал бояр и купцов на весёлые пиры, слушал сладкозвучные Олексовы песни. Однако не забывал и княжеские дела: слал гонцов, ходил собирать дань, смирял непокорную чудь¹⁶.

...Мстислав отвлёкся от размышлений и, взмахнув рукой, дал гридням знак трогаться. День сегодня выдался серым, с раннего утра небо затянули тяжёлые тучи, шёл по полям мелкий противный дождик, который то прекращался, то снова лил. Заканчивалось лето, и на деревьях уже проглядывала унылая желтизна.

Князь ехал по мокрому после дождя лугу. Сквозь постылую серость небес пробивались слабые солнечные лучи, озаряя смуглое лицо Мстислава светом и согревая теплом. Луг окаймлял невысокий пологий холмик и небольшая желтеющая берёзовая рощица. Опавшие листья плавали в большой луже, оставленной дождём, и лёгкий ветерок носил их взад-вперёд по воде, будто утлые лодчонки в бушующем море.

Мстислав любил спокойную езду верхом в сопровождении одного только своего верного Олексы. Гридней и ловчих сердитым жестом руки удалил, и те, отстав, плелись где-то позади, дабы не мешать князю, не нарушать стройного хода его мыслей.

Столь непохожи были они друг на друга: высокий белолицый Олекса с прямыми соломенными волосами, светлоглазый, с длинными тонкими в кисти руками, и Мстислав – невысокого роста, худенький, смуглый – наверное, от греческих предков своих, Мономахов, – с чёрными, слегка вьющимися волосами и такими же чёрными, доставшимися в наследство от матери, королевны Гиды, глазами, пронзительного взгляда которых, как говорили в Новгороде, не мог выдержать ни один родовитый боярин. За малый рост дразнили в отрочестве Мстислава

---

¹³ Полюдье – выезд князя для сбора дани с населения.

¹⁴ Котора – распря.

¹⁵ Варяжское море – Балтийское море.

¹⁶ Чудь – обобщённое название ряда угро-финских народов на севере Руси. Чудью называли предков совр. эстонцев, а также народы, жившие к востоку от реки Онеги (так называемая чудь заволоцкая).

Нискиней, молодой князь очень обижался, но скрывал обиду в глубинах души. Единственное, что в нём было сильное – это руки с короткими толстыми пальцами, крепко и умело держали они меч, и потому если уж брался Мстислав за какое-нибудь дело, требующее силы, то всегда доводил его до конца.

Но не привык князь кичиться силой, да и, собственно, хвалиться ему было особенно нечем – в Новгороде испокон веков водились дюжие мужики с такими ручищами, что Мстислав выглядел в сравнении с ними каким-то хилягой.

Поэтому не по душе Мстиславу были кулачные бои, что часто учиняли на крытых досками улицах новгородцы, не любил он смотреть на удаль молодецкую, чужды были ему и задорные новгородские песенки, терпеть не мог он нахальных очей бойких русоволосых девиц, с отвращением слушал рассказы о посиделках, которые устраивали парни и девушки холодными зимними вечерами (грех экий!), не верил в народные предания, приметы, был всё-таки чужим для народа, но что поделаешь – Провидению Божьему угодно было поставить его здесь, в этом крае, князем.

Край – равнины, леса – любил; люд новгородский – едва переносил, но знал: с народом князь должен жить в мире. И непонятно было только, кто над кем стоит: он над людьми или же они – над ним. От непонимания этого впадал порой Мстислав в отчаяние, хотелось ему власти – власти истинной, как у Святополка в Киеве, как у иноземных королей и императоров, но ведь великие дела всегда требуют великого терпения, и он продолжал терпеть, ждать своего часа, слушая на пирах грустные песни Олексы о родной его Суздальщине да наслаждаясь красотой каменных церквей.

...Пять лет назад внезапно приехала к нему в Новгород мать. Явилась в строгой монашеской одежде, с куколем¹⁷ на голове, молвила, как обычно, скупно и сухо:

– Надежду имею, приютишь меня у себя, сын. Постриг приняла я, развелась с отцом твоим. Невмоготу более на его злые дела и тайные хитрости смотреть.

На недоумённые вопросы девятнадцатилетнего Мстислава отвечала когда спокойно, когда с заметным раздражением:

– Тоже, правитель великий твой отец! Киев Святополку отдал, Чернигов – Олегу! Укрылся в Переяславле, сидит, половцами окружённый! Двоих ханов, Итларя и Китана, заманил на переговоры и злодейски убить приказал! Всё коварством, обманом! Так скажу тебе, сын: кознями и предательствами только беду на наши головы он накличет!

– Отец как лучше старается, – робко попытался было возразить Мстислав.

Мать резко перебила его, гневно топнув ногой в выступке¹⁸ по дощатому полу горницы:

– Глупости не говори! Где благородство?! Где честь княжеская?! Мало того что половцы теперь мстить за ханов будут, землю Русскую разорят, крестьян невинных погубят, так ещё... Стояли когда над трупом Китана, заметила я... злорадство дикое, ненависть в лице у твоего отца... Не смогла более терпеть... Собралась, уехала, постриглась в Кёльне в обители женской... – Княгиня Гида сокрушённо качала головой и горестно вздыхала.

– И как же нам быть теперь? – Мстислав в недоумении разводил руками.

– Не прогонишь если мать, поживу здесь у тебя какое-то время. А потом... Хочу паломничеством во Святую землю путь в рай для вас, чад своих, облегчить.

В голосе княгини Гиды слышались твёрдость и воля. И страшно становилось Мстиславу за мать, но вместе с тем он и гордился ею, такой честной, твёрдой, уверенной в своей горькой правде.

---

¹⁷ Куколь – монашеский капюшон.

¹⁸ Выступки – на Руси вид женской обуви без каблука.

Год спустя в главном храме Новгородской земли – соборе Софии, основанном князем Владимиром Ярославичем¹⁹, сыном великого Ярослава, – положен был в Предтеченском приделе родной Мстиславов брат – Изяслав. Девятнадцатилетний юноша пал под стенами Мурома в яростной сече с дружинами Олега. Стоял теперь над его гробом запах церковного ладана, произносились над ним скорбные молитвы, мать с исполненным немой скорби, бледным как полотно лицом долгие часы простаивала возле кирпичного аркосолия²⁰ с телом любимца на коленях. Мстислав вспоминал брата живого – тонкостанного, с приятной улыбкой на пухлых устах, так похожего на него и в то же время совсем иного – дерзкого, открытого, прямодушного, наивного. А ныне... Разбросала братьев и сестёр судьба в разные концы земли. Он, Мстислав, сидит в Новгороде, Ярополка отец послал в Суздаль; сестрица Марица, вчера ещё совсем маленькая девочка, выдана замуж за ромейского патриция Льва Диогена. При отце остался покуда один Вячеслав, самый младший в их большой семье, но и ему, надо думать, скоро дадут кусок в бескрайней Русской земле, и, может статься, у него, Мстислава, под боком.

А век Изяславов оказался короток: едва успел вкусить он земных радостей, полюбоваться молодой женой, как прибрал его к Себе Всевышний. Воистину, кто ведает, какой длины путь ему отмерен на белом свете?

Князь Владимир, узнав о гибели Изяслава, не стал мстить Олегу, а, наоборот, направил к нему грамоту со словами мира. Послание это читали теперь во всех городах и весях Руси. Читали и восхищались мудростью Мстиславова родителя. Встал ибо он выше своих обид, выше ссор и междоусобиц, готов был простить Олегу смерть сына, писал: «Мы же Русской земли не погубим».

Письмо Мономаха потрясло всех, кроме княгини Гиды. Помнит Мстислав, как пришла она к нему с противнем²¹ отцовой грамоты, развернула её с лицом, искажённым болью и презрением, сказала первенцу обычным своим твёрдым голосом:

– Всех обманул князь Владимир, всех пронял словес хитросплетеньем! Меня только, свою жену бывшую, не облукавить ему! Вот смотри, Гáрольд! За каждым словом в этой грамоте, за каждой буквой одно скрывается: гордыня тяжкая! Показывает отец твой: вот насколько я выше тебя, ничтожный Олег, и вас всех, князья, бояре, смерды! Горой великой над вами возвышаюсь! Выше я обид, выше смерти! Я – мудрость сама! Я – первый! Всё лучше вашего знаю и делаю! Вот в чём, сын, скрытый смысл послания этого! Другие не поймут, но я... я твоего отца как облупленного знаю! Он и через кровь сыновнюю переступит, лишь бы в гордыне своей величаться надо всем миром!

Брезгливо швырнула княгиня Гида Мономахову грамоту в огонь печи, поморщилась недовольно, повела тонкими ноздрями иконописного римского носа и долго ещё в тот вечер наставляла своего первенца.

...Меж тем князь Владимир оженился вдругорядь²², взял в жёны боярскую дочь. Молодая славянка, синеглазая пышногрудая Евфимия родила стареющему Мономаху сыновей Юрия и Романа, а также двух дочерей. Плодовита оказалась дочь боярская, и, судя по рассказам, отец Мстислава сильно её любил. Наладились постепенно дела у Мономаха и в семье, и во владениях его наступил мир. Это радовало, но за мать новгородскому князю становилось обидно...

Мстислав тяжело вздохнул, потряс головой, словно пытаясь отогнать невесёлые навязчивые мысли, и обратил взор на молчаливого Олексу.

– Ну что пригорюнился, друже? – через силу улыбнулся он. – Уж Городище недалече. Учиним ныне пир по случаю охоты славной. Бояр созовём, гостей иноземных.

¹⁹ Владимир Ярославич (1020–1052) – старший сын Ярослава Мудрого, княжил в Новгороде. Умер ещё до смерти отца.

²⁰ Аркосолий – аркообразная ниша для установки саркофага в средневековых погребениях.

²¹ Противень – копия.

²² Вдругорядь – в другой раз.

– Что пиры, княже? – хмуро вымолвил Олекса. – Истосковался я без дела. Уж и петь не хочется нисколько. Никудышный я песнетворец. Выброшу гусли, ни к чему они. Не для моих неумелых перстов созданы, видать. Пустил бы ты меня, Мстиславе. Везде по Руси рати идут, поганые давят, а я тут... – Он сокрушённо махнул рукой. – Хоть какое б путное дело за жизнь свою створи! Биться с Ольгом, и то ты меня не взял.

– Глупости речёшь! – сердито оборвал его Мстислав. – Успеем ещё, навоюемся, крови прольём невесть сколько! Радуйся, дурень, что в мире покуда живёт народ. Война, усобье – оно всегда людям в убыток. А поёшь ты славно, Олекса, не наговаривай на себя.

– Да где там славно! – Олекса грустно усмехнулся. – Верно, не слыхивал ты, князь, друга моего, Ходыну с Клещина озера²³. Вот он поёт – заслушаешься!

Мстислав пожал плечами и ничего не ответил.

«У каждого – свои заботы, – подумалось ему. – Кому мечом махать, кому песни слагать, кому землю пахать, а кому и княжить».

Вот он – князь Новгорода, почитай, второго на Руси, после стольного, города, а может, и первого, самого богатого, большого, многолюдного, князь самой обширной земли. Но может ли он встать хотя бы вровень со Святополком? Куда там – власть его ограничена боярами, мужами набольшими и нарочитыми, опоясанными золотыми поясами, кои надевают они, когда выходят на вече на Ярославово дворище.

Судебную пошлину вынужден Мстислав делить поровну с вечем, заменить какого тиуна или посадника и то без согласия веча не мог. Выдавалась ему и его дружине ежегодно дань в триста гривен²⁴, но из них двести должен был он отсылать отцу в Переяславль. Не князь – данник, раб, холоп. Ни в каком другом городе, наверное, не живётся князю так худо, везде он – господин, здесь же господин – Новгород, его бояре и купцы, а князь лишь послушный исполнитель их воли. Ведь даже жил Мстислав на Городище – в княжьем сельце в нескольких верстах от города. Так повелось исстари: после прадеда, Ярослава Мудрого, почти никому из князей заносчивые «вьящие люди» не позволяли селиться в хоромы на Ярославовом дворище.

С годами начал Мстислав понимать Святополка – хотел нынешний киевский владетель убежать из этого вольного града, дабы освободиться от тяжкого ярма боярской неволи.

Эх, похватать бы этих Ставров, Гюрят, Завидичей, посадить в порубы²⁵, раздать их земли верным людям! Вот тогда... Если бы всё было так просто! Похватать! Тотчас явятся людишки из Киева с тайными речами, и все супротив него встанут – бояре, ремесленный люд, смерды²⁶, церковь. Тогда не удержаться в Новгороде, война придёт на землю, смута пойдёт, кровь прольётся, и всё, выходит, по его, Мстислава, глупости. Вот и приходится сидеть, ждать лучшего часа и улыбаться всем подряд – иереям, боярам, простолюдинам. «Бог терпел и нам велел» – так сказано в книгах. Терпи, ожидай, молись пуще – всё сбудется тогда в жизни брэнной. Так говорят босоногие монахи из Киевского Печерского монастыря. Правы они, нет ли? Надоело Мстиславу молиться, надоело терпеть, ждать, но знал он – иного пути нет. Властолюбие, не подкреплённое силой, ведёт человека к гибели – так учили уже не монахи, учили русские летописи.

С упоением ещё в детстве читал Мстислав повесть об убиенных Борисе и Глебе, читал и внезапно проникался жалостью... ко гнусному убийце – Святополку Окаянному²⁷. Правду

²³ Клешино озеро, иначе Плещеево озеро – на берегу его находится город Переяславль-Залесский (в совр. Ярославской области).

²⁴ Гривна – денежная и весовая единица в Древней Руси. Первоначально (до XII века) равнялась 410 граммам серебра. Также гривной называли украшение – золотой или серебряный обруч, носимый на шее (на «загривке»).

²⁵ Поруб – земляная тюрьма.

²⁶ Смерды – категория зависимого населения на Руси, по-видимому, тесно связанного с князем.

²⁷ Святополк Окаянный (ок. 979–1019) – князь киевский в 1015–1016 и 1018–1019 годах. В борьбе за власть злодейски умертвил братьев Бориса, Глеба и Святослава. Разбит Ярославом Мудрым, умер или погиб в изгнании.

говорят люди – зло есть несчастье. И ещё иная правда читалась как бы между строк – погиб Окаянный оттого, что слаб был, что опоры в Киеве не имел, что надеялся токмо на ляхов да на печенегов!²⁸ А что ляхи да печенеги? Для них Русь – чужбина.

...Кони незаметно подвезли всадников к Городищу. Перед ними возник хорошо знакомый Детинец, сложенный из толстых брёвен, с городнями²⁹ и бойницами, в оконцах которых виднелись головы дружинников, обрамлённые булатными шишаками³⁰ с бармицами³¹.

У широких провозных ворот стояли два рослых воина в тяжёлых кольчугах, с круглыми щитами и длинными копьями в руках. При виде князя они прислонили копья к стене и отвесили ему глубокие почтительные поклоны.

Совсем даже не глядя в их сторону, Мстислав проехал через ворота внутрь Детинца. Кони забарабанили копытами по дощатому настилу широкой улицы. По левую руку потянулись неказистые маленькие избёнки княжеской челяди, справа же показалась высокая башня-вежа, в которой жила Мстиславова гридь.

Миновав ещё несколько утлых построек – то были княжеские амбары и кладовые, – Мстислав с Олексой подъехали к крыльцу высокого, в три яруса, деревянного терема.

Князь мрачно взглянул на это довольно безыскусное, лишённое какого бы то ни было изящества массивное строение. Эх, да разве таковы князьки терема в Киеве, в Чернигове! Там – тонкие колонны из мрамора, стены и ставни окон с кружевной вязью, перила крыльца и те с затейливой резьбой, а здесь?! Всё грубо, просто, будторосло в землю!

Не скрывая неудовольствия, князь прошёл через сени в горницу. Ещё во дворе заметил он кошёвку посадника Павла. «Верно, какие вести имеет», – думал Мстислав, торопливо шагая по широкому половицам.

В дальнем углу горницы, в большой изразцовой печи весело играл огонь. На стенах висели щиты, мечи, старые кольчуги, колчаны, разнообразные охотничьи трофеи. Были тут и рога лося, некогда убитого отцом Мстислава, князем Владимиром, в Плесковских³² пущах, и огромная свирепая турья морда, на видном месте красовалась бурая шкура медведя. И каждый такой трофеем для Мстислава был воспоминанием об удачных ловах, неистовых скачках в лесных чащах, яростной борьбе с диким зверем.

Охотничьи забавы закаляли, прививали привычку к постоянным смертельным опасностям, изгоняли из души страх, укрепляли тело. Мстислав не очень любил ловы как таковые, но сам тот дух молодечества, который всегда царил среди ловчих, кличан, дружинников, волей-неволей передавался ему, горячил кровь, побуждал к подвигам...

Посреди горницы в чёрном платне без каких-либо узоров, с золотой гривной на шее стоял посадник Павел, в недалёком прошлом – дядька-вуй Мстислава.

Павел не принадлежал к той породе суровых до жестокости, беспощадных и крутых нравом людей, каким обычно князья доверяли своих малолетних отпрысков. Сколько помнил Мстислав, был с ним дядька ласков, любил, будто родного сына, да и вообще был он нрава незлобивого, скорее даже напротив, излишне баловал своего воспитанника. Но вместе с тем ратным премудростям обучал Павел Мстислава как подобает, в учении не давал ему никакого спуска, и отрок-князь сильнее любой ругани и криков боялся укоризненного, полного разочарования и огорчения взгляда вуй. В такие минуты Мстиславу хотелось убежать от всего мира, укрыться где-нибудь посреди леса, уткнуться лицом в колючую хвою ели, наплакаться вдоволь.

---

²⁸ Печенеги – тюркоязычный союз племён. Занимали причерноморские степи в IX–XI веках. Вытеснены половцами.

²⁹ Городни – часть крепостной стены, срубы, заполненные землёй и щебнем.

³⁰ Шишак – вид защитного шлема конической формы.

³¹ Бармица – здесь: кольчужная сетка, защищающая затылок и шею воина.

³² Плесков – Псков.

Но Павел снова и снова заставлял его метать сулицу³³ в высокий деревянный щит, посылать стрелу точно в середину начертанной углём мишени, рубить что было сил тяжёлым двуручным мечом или секирой первого в жизни Мстислава врага – огромное чучело в шеломе и старой ржавой бадане³⁴.

Много позже, когда Мстислав вырос и научился всему, чего требует воинское дело, Павел с согласия многих бояр и при молчаливом одобрении из Киева занял место посадника. Лучшего человека для этой хлопотной должности, пожалуй, и не сыскать было молодому князю – стал с той поры бывший дядька самым верным и старательным его помощником, а при надобности мог и дать совет, и наставить, где следует, и без боязни указать на ошибки.

Как положено, посадник поклонился князю в пояс, а затем, поглаживая левой рукой свою коротко остриженную бороду, изрёк:

– Клима, боярин, коего посылал ты ко свеям³⁵, шлёт весть добрую. Невеста к тебе плывёт, Мстиславец.

– Невеста? – Мстислав уже как-то и позабыл за буднями, что ещё прошлой весной послал к свейскому королю Инге Стейнкельсу по отцову наущению сватов: прослышали на Руси, будто у короля на выданье дочь.

На женитьбе настаивала мать. Княгиня Гида непрестанно рассказывала Мстиславу об обычаях в Свейской и других северных землях, вспоминала храбрых викингов и все свои разговоры сводила к одному: он, Мстислав, внук короля Англии. С сильным войском и крепкими союзниками мог бы он победить алчных нормандцев и занять английский престол – есть у него на это право.

Слова матери Мстислав выслушивал со спокойным вниманием, не спорил с ней, но понимал, насколько эти её мечты далеки от его насущных дел и забот. Вовсе не привлекала молодого князя неведомая Англия, хотелось ему покрепче встать на ноги здесь, на Руси.

В сваты был выбран хитрый галичанин Клима, сын боярина Николы. Род свой вёл Клима от белых хорват, живших в Карпатах, где вершины гор даже летом покрыты белым, искрящимся на солнце снегом. Как попал Клима в Новгород – один Бог ведает. Известно лишь, что прибыл без гроша за душой, но сумел за какой-нибудь год-другой встать в один ряд с видными родовитыми боярами. Разбогател на торговле да воровстве, лукав был, изворотлив, потому и направил его Мстислав с таким щекотливым поручением за Варяжское море в далёкий Свитьод – Швецию. Там, в каменном королевском замке в Упсале, жила неведомая молодому князю девушка, которой, видно, судьба выпала стать его женой.

– Уж корабли в Неву вошли. К Ижоре³⁶ послал я ладьи встречать их, – говорил Павел. – Скоро, верно, к Ладоге³⁷ подплывут.

– Видит Бог, не ждал, не думал, что ожениться наступает час. – Мстислав усмехнулся. – А как невеста из себя? Красна хоть?

– Да Клима ничего боле не пишет, – развёл руками посадник.

– Ну тогда, стало быть, не больно-то красна, – засмеялся князь. – Клима – плут. Аще³⁸ б красна была дева, не преминул бы похвалиться.

А впрочем, зачем ему, Мстиславу, её красота? Князья не на красоте – на знатности женятся.

«Браки, сынок, ради блага Руси вершатся», – сказал ему однажды отец.

³³ Сулица – короткое метательное копье, дротик.

³⁴ Бадана – вид защитного доспеха восточного происхождения, кольчуга из плоских колец.

³⁵ Сvei – шведы.

³⁶ Ижора – река, левый приток Невы.

³⁷ Ладога – древнерусская крепость близ впадения реки Волхов в Ладожское озеро. Ныне – посёлок Старая Ладога.

³⁸ Аще – если (*др.-рус.*).

Прав он был. Мир и союз Новгороду со свеями нужен. Торговать с ними надобно – не воевать.

Но, наверное, не только для державы – и для своего величия князьям браки нужны. На Руси издревле каждый правитель выбрать себе старался невесту познатнее, а выдать замуж дочь или сестру тоже норовил за человека царских или княжеских кровей. Святополк вот оженил в прошлое лето своего сына на сестре короля угорского³⁹, сестра его Евдокия была за сыном князя польского, Олег Гореславич – тот поял Феофанию, дочь царьградского вельможи Музалона, родная же Мстиславова сестрица Марица была недавно выдана за другого царьградского вельможу – Льва из рода Диогенов.

Негоже было и Мстиславу отставать от других. Чай, свейский король – не последний государь на свете. Вспоминал Мстислав, что прабабка его, Ингигерда, или Ирина, как прозвали её на Руси, тоже приехала некогда из земли свеев к своему жениху Ярославу, прозванному Мудрым. Люба она была мужу своему, родила множество детей, а умерла здесь, недалече, в Ладогe – городе, который отдан был ей в вено⁴⁰.

Ещё вспоминал многое Мстислав в тот день – и как лазил через частокол в терем старого боярина Стефана к молодой жене его Марфе, как целовался с ней в ночи под раскидистыми дубами, а верный Олекса дожидался его до утра с конями на улице за углом. Теперь таких встреч больше не будет, в прошлом остались те ночи, звёзды на небе, и нежные уста молодой боярыни, и её глаза: в них всегда светилась тоска – тоска по любви, любви настоящей, не тайной в саду под сенью дуба – открытой, чистой, светлой. Знал Мстислав, чувствовал, на что способна эта прекрасная женщина, знал и с горечью сознавал – не для него такая любовь, не для него создана Марфа, он – князь, он – выше всего этого, должен быть выше, его удел – иноземная королева, чужая женщина из далёкой стороны, ни слова не понимающая по-славянски. Может, приживётся на Руси, может, нет. Как знать?..

Вместе с княжеской невестой пришёл на Новгородскую землю холодный северный ветер – наступила серая осень.

Мстислав долгие вечера любил стоять на холме у берега Волхова и смотреть, как горит на западе за рекой вечерняя заря, как плывут по небу полосы низких тяжёлых туч, как качаются на воде утлые рыбацьи лодчонки. Откуда-то доносились грустные песни – это рыбаки шли с сетями по реке, – и в Мстиславоу душу закрадывалась печаль. Голоса певцов то стихали, то снова становились громче, словно то удалялись люди, то приближались к месту, где стоял, скрестив руки на груди, молодой князь.

Вспоминалось ему в такие минуты детство, отцов двор в Чернигове, мать, беззаботные игры в лапту, в которой побеждал почему-то всегда Изяслав, а они с Ярополком вечно проигрывали; остренькое личико маленькой сестрички Марицы, что любила трогать ручонками крестик у него на шее и смеялась тоненьким залившимся голоском.

Где теперь всё это? Почему ушло и никогда не вернётся?

...Невесту Мстислав встречал в Новгороде, на правобережной Торговой стороне, на пристани возле Ярославова дворища, близ места, где князь намеревался в грядущем возвести собор. Удобно для приезжих – выгрузил на пристани товары и сразу же пошёл помолиться в церковь, поставить свечку святому Николаю Угоднику, охранителю путников.

Многое мыслил Мстислав сделать в своей земле: и Кромный город укрепить, и Ладогу новыми каменными стенами обнести, – и наверное, сделал бы уже кое-что из задуманного, если б не отвлекла его на целый год Ольгова котора.

С утра облачился Мстислав в красный кафтан с золотым узорочьем, ноги обул в красные же тимовые сапоги, поверх кафтана надел плащ-корзно с серебряной фибулой-застёжкой у

---

³⁹ Угорский – венгерский.

⁴⁰ Вено – у славян выкуп за невесту.

плеча, на голову нахлобучил островерхую розового цвета шапку с широкой собольей опушкой, а на большой палец левой руки нанизал перстень, в который оправлен был огромный, величинной чуть ли не с горошину, изумруд, присланный в дар из Ромеи⁴¹ одним знатным патрицием⁴².

В таком наряде и явился князь в окружении ближних бояр на пристань. Стоял, смотрел на воду, старался успокоиться, сжимал дрожащие неведомо отчего уста и думал о невесте. Только и знал-то, что звалась она Христиной и что давно на выданье, засиделась в девках.

Чуть вздрогнул Мстислав, когда лёгкий шумок прокатился по пристани. Подняв голову, он глянул вдаль и увидел, как медленно, важно плывёт по Волхову большой корабль, как дружно ударяют вёслами гребцы, как вздымаются над водой брызги. Сердце князя учащённо забилося.

Наконец судно подплыло к причалу, дюжие корабельщики привязали его канатами к железным кольцам на берегу, затем с корабля спустили широкую лестницу; ловко сбежал по ней, трясая козлиной бородкой, лукавый Клима, а за ним, поддерживаемая варяжскими воинами из свиты, вся в сверкающих роскошных одеждах, сошла на землю невеста. Огромная, полная, рослая, она с надменностью взирала светло-серыми своими очами на Мстислава; была выше его, крупней, наверное и сильнее.

В земле свеев, на крутых скалистых берегах фьордов, выживали всегда только самые сильные, и женщины там рождались крупные, часто не уступающие мужчинам в воинском умении, заменяющие их в битвах. И эта была какая-то будто вынесенная из морских просторов, закалённая, обветренная, дочь викингов, нурманов, которые бороздили просторы океана и наводили ужас на весь мир.

...Мстислав с улыбкой на устах подошёл к невесте, сказал, как полагалось, приветственные слова по-свейски, осведомился, не устала ли королевна в пути, на что Христина отвечала, что нет, она привыкла к морю и не боится качки.

Мстислав повнимательней оглядел невесту. Круглое полное лицо, вздёрнутый маленький нос – вероятно, в роду у неё были какие-нибудь лопари⁴³, – тонкие розовые уста, в ушах – тяжёлые золотые серьги, на голове – белая меховая шапочка, из-под которой ниспадала на плечо толстая золотистая коса, на широких плечах – длинная, почти до пят, отороченная горностаем шуба – такая хоть и чересчур тепла для теперешней погоды, но зато придаёт величие и важность.

Князь протянул невесте десницу, и легла на его ладонь большая её рука – рука тяжёлая, как у воина, непривычная, наверное, к перу, может, державшая не раз меч, но, скорее всего, не знавшая ни пера, ни меча, а только большую деревянную ложку.

...В тот же день состоялось венчание. Жених и невеста с торжественностью, в окружении бояр и дружины направились ко вратам Софийского собора. Ехали по мосту через Волхов, Христина надменно смотрела ввысь, поверх толпы людей, Мстислав же ехал по мосту если не с замиранием сердца, то с опаской, ибо знал: мост – место, где сходятся в дни ссор горожане, где не одного человека умертвили, откуда не одного посадника и боярина сбросили в реку. Место это – одно из самых страшных во всей Руси. И вот, надо же, довелось стать зловещему мосту, казалось, пропитанному кровью убитых здесь людей, свидетелем княжеской свадьбы. Впервые, может, и случилось такое в русской истории, уходящей корнями в неведомую глубь веков.

Когда ноги ступили на каменный пол Софии, Мстислав наконец вздохнул свободно. Взглянув на невесту, он заметил, что на лице её, словно вырвавшись из-под маски надменности, промелькнула искорка удивления. Тут же князь догадался, в чём дело. Поразили Христину каменные стены и золотой главный купол Софийского собора – ничего подобного не прихо-

---

⁴¹ Ромея – Византия.

⁴² Патриций – в Византии высокопоставленный вельможа.

⁴³ Лопари (иначе – саамы) – народ угро-финской языковой группы, обитал на севере Скандинавии.

дилось видеть ей на родине, в Швеции. Правда, в Упсале была сооружена как раз незадолго до отплытия королевы на Русь большая церковь с узкими решётчатыми окнами. Церковь эта сложена была из камня и гранита, примыкали к ней высокая колокольня и низенькая полукруглая лестничная башенка. Но королева не любила ходить в эту отталкивающе-мрачную церковь, всё казалось ей там мёртвым, ненастоящим, как и новый Бог, который грозно и как будто с осуждением смотрел на неё с высоты. Здесь же, в Софии, всё было совершенно иным: вместо мрачности царила нарядность, вместо осуждения – торжественность.

...Христина впервые познала величие Бога, в честь Которого получила имя и Которого на родине только боялась, а теперь вот могла и возлюбить при виде столь необыкновенной, посвящённой ему красоты.

Стояла над нею, возвышалась выложенная из серого тёсаного камня пятиглавая твердыня, но не давила, не нависала, не обрушивалась на неё тяжестью своей, а как бы захватывала, обтекала, плавно входила в душу, подобно залиvistому колокольному звону, названному малиновым, совсем не похожему на звон огромного медного колокола упсальской церкви.

Прекрасны были купола собора. Главный, самый большой и высокий купол строители покрыли золотом, и он весь сиял, слепя глаза, под лучами солнца. Позже Христина узнала, что хотели новгородцы и остальные купола позолотить, но главный зодчий отговорил их, молвив: «Негоже наряжать великую Софию, без коей нельзя помыслить Новгорода, аки купчиху какую. Пусть будет наряд её величествен и строг, как и подобает святыне». По его указанию остальные купола собора покрыли свинцом.

...Внутреннее убранство Софии было ещё более великолепным. Со стен словно глядели на Христину живые люди – святые, пророки, апостолы; воздев длани, плыла по воздуху невесомая Богоматерь Оранта в ярких красочных одеяниях, казалось, заключающая в свои объятия весь бренный земной мир.

Изумлённая и восхищённая стояла Христина у аналая, пытаясь сдержать свои чувства под маской высокомерия, только сердце её билось учащённо, тревожно, открылось ей внезапно нечто новое, непознанное, такое, что невозможно было измерить, охватить умом, понять.

Мстислав был хмур, молчалив, задумчив. Привычный ко всей этой красоте, не обращал на неё особого внимания, мысли витали где-то вдалеке, спускаясь с украшенных фресками стен собора в Предтеченский придел, где стоял в глубокой нише гроб с телом брата. Хотел Изяслав опередить всех – опередил и в женитьбе, и в бою, и в смерти. Страшна, нелепа внезапная смерть на заре жизни; глупо, когда обрываются в единый миг надежды и мечты, когда ничего ещё не успел свершить.

Мстислав постарался отогнать эти печальные мысли. Чего вдруг овладела им тоска, если рядом – знатная невеста, вокруг – Новгород, второй по значению город на Руси, будут пиры, веселье, песни в их честь, а впереди ждёт его множество добрых и славных дел.

Молодой князь улыбнулся и с благодарностью посмотрел на маленького юркого Климу, который аж светился от напыщенности и самодовольства и тряс своей узенькой козлиной бородкой. Спасибо ему хоть за эту маленькую радость, доставленную вечно отягощённому державными заботами князю.

Обвенчал их сам владыка Никита – безбородый грек-евнух, полный и низкорослый. Вышел навстречу в сопровождении облачённых в праздничные ризы попов, дьяконов, архидьяконов, прочёл молитву, провёл окрест аналая под пение церковного хора.

После венчания велел Мстислав по примеру великого своего пращура, Владимира Красное Солнышко, раздавать простому люду серебряные пенязи⁴⁴, овощи, хлеб, рыбу, возить по городу и окрестным сёлам обозы со всяческой снедью, отыскивать больных и немощных, угощать их щедро.

---

⁴⁴ Пенязь – мелкая монета.

Везде сопровождала князя и новоиспечённую княгиню толпа горожан, одобрительно гудела, Мстислав приветливо улыбался людям, а Христина, освободившись от очарования собора, снова стала обыкновенной ленивой и капризной отъевшейся королевской дочерью, высоко несла она свою голову и словно бы не замечала ни народа вокруг, ни домов, ни даже мужа.

Мстислав же, улыбаясь толпе, думал, какими разными могут быть одни и те же люди – то озлобленными, жестокими, полными неуёмного гнева, то спокойными, равнодушными, то радующимися, весёлыми до дикости, – и как быстро порой сменяется в их душах любовь ненавистью, а смирение – яростью.

Мстислав смотрел на людские улыбки, на сотни ртов, выкрикивающих ему славу, и не верил этим людям, да и как мог верить, если знал: он – князь, они – его подданные, у него в Городище – хоромы, столы ломаются от яств, у них – утлые покосившиеся хаты на градских окраинах и в сёлах, в которых нет порой иной пищи, кроме чёрствого чёрного хлеба с лебедой.

Молодой князь не боялся людей, знал с детства их непокорный крутой нрав, умел с ними ладить, но не любил, терпеть не мог этих крикунов. Хоть бы в такой столь счастливый для него день – день свадьбы – оставили его в покое.

Оказался Мстислав в своей стихии лишь в Городище. Славно попировал с боярами, но не опьянел – помнил строгое отцово предупреждение – от вина душа человека гибнет, – смотрел чёрными своими, как уголья, глазами на полную белотелую супругу – и ничего в ней не находил: ни красоты, ни прелести. Сидела рядом с Мстиславом этакая мордастая широкогрудая боярыня, грызла с леностью сочное большое яблоко; пустота, отчуждение читались в серых её очах.

«В ней холода уютно, а в сердце – лёд, не пламень», – вспомнились Мстиславу слова одной из старых варяжских песен, каких невестимо сколько знал Олекса. Будто про Христину сказано.

– Нравится тебе здесь? – спросил он её, сам не зная, для чего, – наверное, просто чтобы хоть что-то сказать.

– Собор Софии... Великий зодчий строил, – ответила Христина, и Мстислав заметил, как в холодных глазах её вспыхнули живые огоньки. – Хочу видеть его всегда перед собой.

Едва успела приехать, а уже повеления раздаёт.

«А и вправду, не построить ли на Городище собор наподобие Софии, прямо перед окнами терема. И взору приятно, и дело богоугодное. Велю зодчим сделать из терема крытый переход на хоры, как в Киеве». – Князь проникся мыслью о строительстве нового собора. Казалось Мстиславу: вот именно такого храма и не хватает ему для полноты осознания своего величия, своей высоты над людьми, словно без этого замысленного ещё только собора не возвышается он над народом, а стоит где-то посреди крикливых горожан, щуплый такой, невысокий – его и не видать за дюжими новгородскими мужами. Верно, нужно было приехать из-за моря этой полной высокомерной женщине, чтобы подсказать ему столь простую мысль.

Больше ни о чём не спрашивал Мстислав в тот день жену. Подошёл к ней, обнял, почувствовал прикосновение губ, ощутил словно весь исходящий от неё холод, а после повёл княгиню в ложницу⁴⁵ и забыл на время и печали свои, и дела державные, и мысли о соборе.

---

⁴⁵ Ложница – спальня.

Глава 2

С медленным однообразием потекли для Мстислава годы – будто тягучий густой кисель, который всё пьёшь, пьёшь и никак не можешь выпить. Мстислав пропадад на полюдье, на боярских советах, в походах против непокорной чуди, выезжал в Ладогу, где посадник Павел по его указу начал уже закладывать новые каменные стены, подобные тем, какие выстроил Святополк в пограничном Изборске.

Казался Мстислав сам себе маленьким, ничтожным на огромной земле, затерявшимся посреди её бескрайних просторов, не видел особенного отличия между собой и каким-нибудь нищим странником-бродягой – так же был мал в сравнении с этой необозримой равниной, подобен был песчинке, капле воды в море.

Никак не покидало Мстислава ощущение бессилия, безвластия, безнадёжности. Иногда раздражало это его, иногда ввергало в отчаяние, иногда, наоборот, делало безразличным ко всему вокруг. А потом вдруг подумалось: ведь на великой земле и правитель должен быть велик! Может, даже более велик, чем отец, чем дед его, прадед, что прожили лучшие свои годы вдали отсюда. Но как достичь величья? На кого опереться?

Понимания, близости не находил Мстислав ни в ком. Разве что Олекса был чем-то сродни ему – тоже был вечно грустен со своими песнями, всё говорил о пустоте души, о бренности бытия, тщете земного – прямо будто какой монах.

Мать? Всё мечтала о паломничестве в Иерусалим, всё поругивала отца, тем не менее без конца обменивалась с князем Владимиром грамотами, в которых давала ему советы и наставляла. Мстислав понимал, что, несмотря ни на что, мать отца по-прежнему любит и дело тут не только в заботах об общих чадах. Хоть и приняла формально Гида постриг, оставалась она, как раньше, той же матерью и княгиней, властной, требовательной, порой жёсткой.

Жена Христина? Была далека от князя, с мелочными своими заботами, вечно ленивая, сонная, неведомо откуда набравшаяся надменности. Родила Мстиславу двух дочерей, назвала их по-свейски чужими для русского человека именами – Мальфрид и Ингеборг. Хотела, наверное, чтоб имена девочек напоминали ей о навсегда оставленной родине. Едва успевала оправиться от родов – снова беременела, уже в третий раз ходила непраздной на третьем году супружества, жила больше в селе Сытино на берегу Ильмень-озера, которое отдал ей Мстислав в вено.

Туда часто наведывались иноземные гости, устраивались в их честь пиры и многодневные ловы, но Мстислава не радовали удачные охоты, отдыхал он душой только в излюбленном своём Городище за частоколом, наблюдая, как закладывают строители основание будущего собора.

...Весна в тот год выдалась поздняя, и, хотя уже заканчивался март, дни стояли морозные.

В один из таких по-зимнему холодных дней пришла к Мстиславу из Сытина весть о рождении сына – весть, радостная для князя. Уж сына ни за что не назовёт он свейским именем – ему надлежит жить и княжить в Русской земле, и может, на этих необозримых просторах.

Мстислав не мешкая тронулся в путь по санному следу. Сопровождали его, кроме гридней, посадник Павел, Олекса да боярин Ставр Годинович, человек крикливый, шумливый, извечный Мстиславов супротивник. Ехали молча, Мстислав пустых разговоров не любил. Глядя ввысь, на низкие белые облака, задевающие, казалось, за тёмно-зелёные верхушки вековых елей, он улыбался, светло было на душе. Течёт жизнь, не пустая, не брeнная, как говорит Олекса, – жизнь удивительная, полная незабываемых впечатлений.

Боярин Ставр нарушил молчание:

– Скользко. Кони устали. Пора бы привал учинить. Костёр развести, вежи поставить, погреться да коней накормить. Ране вечерней в Сытине не будем.

Мстислав согласно кивнул.

Впереди заискрился скованный льдом старик Ильмень. При виде его Олекса достал из дорожного чехла гусли, ударил по струнам и пропел:

В Ильмень-озеро девица слезу обронила,
В даль милого унесла ладья,
В даль далёкую, в даль тёмную.
Не придёт он к тебе боле, голубушка, не воротится,
Славных песен не споёт.
Он в могильном холмике лежит, во кургане, во степи неведомой.
Догнала его калёная стрела поганая,
Изронил он душу из тела.

– Нашёл что петь! – сердито проворчал посадник Павел. – У князя праздник, сына Господь послал, а ты печаль в душу ему сеешь.

– Спой-ка лучше нам, друже, песнь о славных храбрах, о сечах с погаными, – предложил Ставр.

– Да какую ж такую песнь? – смущённо пожал плечами зардевшийся Олекса. – Разве знаю я что? Друг у меня есть, Ходына с Клещина озера. Вот он песнь сложит – заслушаешься.

– Про Добрыню спой, Олекса, – попросил Мстислав. – А после про Ходыну расскажешь, не впервой имя се от тебя слышу.

Олекса послушно кивнул и тонким голосом запел о битве сказочного богатыря Добрыни с семиглавым змием.

...Отвечает ей молоденький Добрынюшка:

«Ай же ты Змея проклятая!
Я ль нарушил нашу заповедь
Али ты, Змея, её нарушила?
Ты зачем летела через Киев-град,
Унесла у нас Забаву дочь Путятичну
Без бою, без драки-кровапролитица».
Не хотела отдавать Змея
Без бою, без драки-кровапролитица,
Заводила с ним великий кровапролитный бой.
Бились-ратились они тут двое суток,
А не может одолеть Змею Добрынюшка...⁴⁶

Мстислав и посадник Павел хмуро переглянулись. С чего это вдруг Олекса вспомнил про Киев, зачем обмолвился о Путяте, верном Святополковом сподручнике? С чего вдруг занесло его столь далеко от Новгорода? Оба – и князь, и посадник – были достаточно умны, чтобы заподозрить в песне гуслиря нечто недоброе, и потому ничего не сказали Олексе, и только Ставр, дождавшись, когда гуслиря закончит петь, недовольно бросил ему:

– Думай сперва, о чём поёшь!

Олекса изумлённо вскинул густые светлые брови, но, похоже, так ничего и не поняв, промолчал.

---

⁴⁶ Отрывок из былины о Добрыне Никитиче и Змее.

– Ну, гусяр, теперь про Ходыну молви, – тотчас перевёл разговор на другое Мстислав. – Что он за человек?

– Ходына, княже, равно как и Боян, – великий песнетворец. Молод ещё, но поёт столь славно – залюбуешься. Великий дар Богом ему даден. Родом он, как сказывают, с Клещина озера, с малого села, был простым рыбаком. Но вот единожды зашёл в то село Боян, спел людям песни свои, и взял очарованный Ходына из рук его гусли и тоже спел. О крае родном, о людях, об озере, о реках, о птицах – обо всём, что окрест себя видел. И растрогала песнь юноши седого Бояна, прослезился он, обнял Ходыну и сказал: «Се есть великий певец». И пошёл Ходына по деревням и сёлам суздальским. Люди привечали его, кормили со стола своего, и всякий – боярин ли, смерд ли – бывал ему рад.

– А ты, Олекса, откуда Ходыну знаешь? – спросил Ставр.

– Пришёл он как-то к нам в Суздаль, стал песни слагать славные, вельми по нраву мне пришёлся. С той поры и я вот за гусли взялся, до того отцу в скудельнице⁴⁷ помогал.

– Где ныне Ходына? – сдвинув брови, спросил певца Мстислав. – Вельми хотелось бы послушать сего гусяра.

– В Киев подался он. А может, и не в Киев. Запутанные стёжки у судьбы, много дорог на Руси, – отозвался Олекса. – Не ведаю, жив ли Ходына, нет ли. Велика Русь, долго ль человеку на ней затеряться?

– Да, се верно, – согласно затряс седеющей головой посадник Павел.

Привал путники учинили вокруг костров на занесённом снегом берегу Ильменя. После полудня, когда из-за озера ударили прорвавшие пелену облаков яркие косые копыя-лучи, они снова тронулись в путь.

Снег искрился и слепил глаза. По щекам текли прозрачные слёзы. Всадники, стянув рукавицы, вытирали их и то и дело подгоняли неповоротливых статных коней.

Мстислав неотрывно всматривался в даль. Казалось, вот-вот замаячат уже впереди избы и усадьбы многолюдного Сытина, проплывёт перед глазами белокаменная церковь Спаса с высоченной, словно пронизывающей небо колокольней, но нет – всё тянулась по левую руку нескончаемая стена зелёного хвойного леса, а справа блестел голубой чистый ильменский лёд. И Мстислав ощутил себя неким странником-скитальцем, всё бредущим куда-то в неведомую даль, ждущим с нетерпением, когда же достигнет он желанной обетованной земли, но земля эта, которая, кажется, мелькнёт уже сейчас за поворотом дороги, на самом деле простирается где-то за тысячи, десятки тысяч вёрст, и удел странника – брести, брести без конца, покуда хватит сил.

Человеческая жизнь тоже напоминает скитание: всё идёшь, идёшь, не ведая, куда и зачем, и не можешь остановиться, застыть хотя бы на миг, оглянуться, посмотреть, окинуть взором пройденные вёрсты, ибо создан человек так, что глядит в будущее, устремляется вперёд, а то, что осталось позади, часто предаётся забвению. Спотыкаешься, совершаешь ошибки, каешься, истираешь обувь, ранишь ноги об острые камни – и всё равно идёшь дальше, упрямо, стиснув зубы, преодолевая слабости, боль, страх, отчаяние.

Ничего в жизни не даётся даром, через всё надо пройти: через стремительные реки, через поля, горы, леса, через радости, ожидания, потери близких, смерти, пожарища, потопы.

Труден путь людской на земле, а тем более трудна княжья доля – вечная борьба за власть, за возвышение, бесконечные походы, войны. В любой миг может настичь тебя или неприятельская стрела в грудь, или предательский удар ножа в спину, или внезапная отравка, или змеиный укусы, как Олега Вещего.

...Сытино появилось как-то неожиданно, будто упало с неба или поднялось из недр земли, но Мстиславу почему-то теперь стало всё равно, близко ли оно, далеко ли, – совсем в

---

⁴⁷ Скудельница – гончарная мастерская.

иную сторону ушёл он в своих мыслях, словно взлетел на небеса и с великой неохотой вынужден был сейчас спускаться на землю, чтобы заняться обыденными княжескими делами.

– Слава князю Мстиславу Владимировичу! – неслись отовсюду приветственные крики.

Вокруг Мстислава и его спутников мелькали полные непритворной радости лица, красивые и безобразные. И князю подумалось: так ли уж плох здешний люд, как представлялось ему? Может, зря недолюбливает он этих горлохватов? Да, они шумны, буйны в гневе, необузданны, привыкли к вольности, но всё же как-то ближе ему, нежели по-ромейски льстивые хитрецы, коих собрал окрест себя в Киеве стрый Святополк.

И Мстислав впервые, наверное, искренне улыбнулся этим людям, столь непосредственно выражающим свои чувства, с лица его сошёл ледяной холод, и на душе как будто потеплело от этих улыбок, этих радостных криков.

В просторном, выложенном из камня тереме ожидала князя Христина с двумя маленькими, одетыми в нарядные суконные платица дочерьми. Рядом с нею на руках кормилицы, молодой светлоглазой чудинки, тихонько попискивал новорождённый. У Мстислава дрогнуло сердце. Сын, первенец.

«Нет, никому не отдам Новгорода. Пусть мои дети, внуки здесь сидят, – пронеслось у него в голове. – Братьев родных и тех не пушу сюда».

Князь взял ребёнка на руки, подержал его, покачал, с улыбкой глянул на розовый ротик младенца. Вернув его кормилице, раздал подарки дочерям. Мальфрид подарил вырезанную из дерева искусными руками новгородского умельца большую матрёшку, а Ингеборг – игрушечного деревянного коника с густой гривой. Довольные девочки говорили с отцом по-свейски, этому языку их научила мать. Мстислав хмурил брови и укоризненно посматривал на Христину. Как-никак живут дщери на Руси, пора бы им разуместь и по-русски.

...Сына назвали Всеволодом в честь прадеда – великого князя Всеволода Ярославича. Впрочем, не так уж и знаменит был этот князь, прославили же его летописцы за то, что умел говорить, читать и писать на пяти языках. Давая младенцу имя, Мстислав вовсе не думал о своём деде, просто нравилось ему – «Всеволод», что означает: «Всем володеть». Имя как бы предвосхищало судьбу младенца – надлежало ему в грядущем княжить на этой бескрайней земле, управлять этими вольнолюбивыми непокорными людьми.

При крещении в Новгородской Софии Всеволод получил второе имя – Гавриил в честь архангела Гавриила. Вроде бы ничего необычного, любой княжеский отпрыск в ту пору имел, помимо родового славянского, второе имя, которое давалось ему в честь какого-нибудь святого, апостола или архангела. Но был в крестильном имени новорождённого скрыт тайный смысл, о котором ведал Мстислав и о котором, конечно, не могли не догадаться в Киеве. Всем ведь известно было, что крестильное имя Святополка – Михаил, и имя это получил великий князь в честь архангела Михаила, небесного архистратига, покровителя ратной славы и ангела-хранителя всех христиан, в том числе и князей. Этот архангел, как сказано было в Святом Писании, обучил людей хлебопашеству, скотоводству и ремёслам. Лик архистратига Михаила изображён был и на щитах великокняжеской дружины, и на гербе Киева. Но если патроном Святополка, его защитником на земле был архистратиг Михаил, то охранителем маленького Мстиславова сына стал отныне тоже почитаемый в христианском мире архангел Гавриил, который явился пред Девой Марией и оповестил её о грядущем рождении Христа.

Михаил – Гавриил! Киев – Новгород! Уж, наверное, произнесёт Святополк (про себя ли, вслух ли при боярах) эти имена и названия городов, произнесёт и, скривив уста от злости, с высокомерием подумает: с кем тягаться, с кем состязаться в славе, в величии вознамерился сей мальчишка Мстислав?! Ужель измыслит идти наперекор ему, всеильному киевскому князю, посмеет не подчиниться его воле?!

Но нет, знал Мстислав, что делает. Знал и шёл к своей цели, располагал к себе и купцов, и ремесленников, и бояр, и клир. Снова, как и в дни праздников, как и в день своей сва-

дъбы, вносил он вклады в церкви, раздавал милостыню убогим, не скупился, угощал простой народ. Сыпались повсюду золотые и серебряные монеты, рекой лилось вино, ломились от яств столы. Новгород ликовал, Новгород чувствовал свою силу, Новгород радовался, откровенно радовался своей вольности, своему величию; словно могучий богатырь-силач, играл железными мышцами, готовясь к бою – бою с другим силачом, силачом великим, но уставшим от яростных нескончаемых схваток, уже теряющим свои силы, но ещё далеко не обессиленным, ещё могучим и могущим многое.

Глава 3

Поздним вечером в дверь дома боярина Климы раздался негромкий стук. Слуги отперли тяжёлые замки, отомкнули засовы, и в сени вошёл высокий смуглый человек лет тридцати пяти с тонкими усами, загнутыми вниз и спускающимися до подбородка, чуть раскосыми глазами – наверное, в числе предков его были жители степей, – и без бороды. На шее незваного гостя, худой и непомерно длинной, резко выдавался острый кадык. Одет пришелец был в довольно скромный дорожный тулуп, кафтан из простого сукна, обычные поршни⁴⁸ без всякого узора и шапку из заячьего меха. Единственное, что бросалось в глаза – на каждом пальце незнакомца сверкали золотые перстни с драгоценными камнями. На поясе его висела сабля, рукоять которой украшал большой, величиной почти с голубиное яйцо, кроваво-красный рубин.

Зайдя в дом, гость, как и полагалось, осенил себя крестом, после чего потребовал немедля позвать боярина.

Клима уже лёг было спать, когда ему внезапно доложили о приходе этого странного человека. Взяв в руку толстую свечу, он поспешил в сени, недоумевая, кто это пришёл вдруг к нему в столь поздний час.

Увидев неожиданного гостя, Клима с тревогой вопросительно воззрился на него.

– Гляжу, Клима, обосновался ты здесь крепко, – промолвил пришелец, кривя уста в полной презрения ядовитой усмешке.

– Что за глас знакомый? – пробормотал Клима, хмурия чело. – Где слышал? Ужель...

Он вскинул голову, вздрогнул, испуганно вскрикнул и едва не выронил из десницы свечу.

– Не признал меня, друже. Обижаешь, хозяин. Ведь дружки мы с тобою были – не разлей вода. Помнишь поход на ляхов? А ослепление Василька Ростиславича? Да, славно послужили мы нашему князю, свет-Давид Игоревичу. Так славно, что я ныне в Киеве обретаюсь, а ты аж до Новгорода добежал, – глухо рассмеялся гость.

– Туряк? – всё ещё не веря своим глазам и ушам, спросил Клима. – Господи, да как же... Как ты здесь? Уж я мыслил, тебя и в живых-то нету.

– Хватит, боярин! – резко, властным голосом перебил Климу Туряк. – В горницу веди, нечего в сенях торчать!

– Что ж, пойдём, пойдём. – Клима жестом пригласил гостя следовать за собой.

Развалившись на обитой бархатом скамье у стены, Туряк снова рассмеялся и с издёвкой заметил:

– Гляжу я, слаб памятью стал ты, Клима. Помнишь тот совет во Владимире у князя Давида Игоревича? Ростиславичи обступили тогда город со всех сторон, и Володарь велел нашему князю выдать тех, кто сговаривал ослепить Василька. Боярский совет был, и старцы назвали меня, Василия и Лазаря. Ведаю, как ты меня чернил. Зато никто не прознал, что ты, ты первым мысль об ослеплении подал! А уж потом мы с Лазарем да Васильем ко князю Давиду ходили. Али позабыл? Позабыл, как трясся за свою шкуру на том совете, как меня, друга своего, предать измыслил?! Иуда! – Туряк внезапно вскочил со скамьи, схватил Климу за грудки и притянул к себе. – Василий и Лазарь ни при чём были, а их покарали, выдали Володарю, и он повесить их велел на древе и стрелами калёными расстрелять. Меня же князь Давид спас. Упредил вовремя, коней дал, за то спаси его Бог. А ты, ты бы отдал меня Володарю, отдал бы!

Он с отвращением швырнул Климу на пол. Маленький боярин поднялся, отряхнулся и, с опаской глядя на разгневанного Туряка, быстро, скороговоркой заговорил:

⁴⁸ Поршни – вид кожаной обуви, короткие сапоги без каблука.

– Напрасно обиду держишь. Князя Давида я тогда надоумил коней тебе дать. Иначе не миновал бы ты погибели. А сам я в то же лето в Новгород бежал, се верно. Подале от Ростиславичей, от войн. Служу с той поры князю Мстиславу.

– Ну и дурак, что служишь! – презрительно осклабился Туряк. – А я вот теперь Святополков боярин. Привет тебе шлют великий князь и тысяцкий⁴⁹ Путята.

– Так ты что ж, прямо из Киева, что ль?

– Из него самого. Но о сём – никому ни слова. Скажешь – убью! – Туряк угрожающе положил руку на эфес сабли. – А теперь слушай. Мстиславка слишком много о себе возомнил. В Новгороде засел, будто у себя дома. А Новгород меж тем – князя Святополка вотчина. Его отец сей землёю володел, Мстиславку же великим лукавством Мономах сюда посадил.

– Не уразумел, к чему клонишь, – удивлённо приподнял брови Клима.

– А ты помысли. Мстиславке довольно в Новгороде сидеть. Ты – боярин, у тебя своих людей здесь много. Учিনি в городе смуту. Чтоб толпа на толпу. С убиеньем пушай даже. Хоть и грех се, зато от большего греха люд убережём. А после пушай рекут людишки твои, будто смута вся сия от Мстиславки идёт, будто его тиуны⁵⁰ народ грабят, разор повсюду чинят, людинов кабалют. Вот, мол, аще б князь Святополк своего сына нам дал, то зажили б по-иному совсем. Уразумел?

– Не, Туряк, не будет тако. Я – своему князю служу, ты – своему. И на том... – начал было Клима, но Туряк, снова злобно осклабившись, перебил его.

– А не содеешь, как велено, – грозно изрёк он, – все узнают об ослеплении Василька правду! И ромеем тем не отбрехаешься! Князь Мстислав – не дурак, выдаст тебя Ростиславичам. Суд над тобой учинят, очи выжгут, в поруб засадят, будешь гнить там до скончания дней! Подумай, Клима, крепко подумай.

Он круто повернулся и, не глядя более на хозяина, вышел из горницы.

---

⁴⁹ Тысяцкий – на Руси должностное лицо в городской администрации. В обязанности тысяцкого входило формирование ополчения во время войны.

⁵⁰ Тиун – сборщик дани.

Глава 4

Не спалось в безлунную тёмную ночь боярину Климе. Как уж, вертелся он с боку на бок под тёплым беличьим одеялом. То прошибал пот, становилось нестерпимо жарко, то предательской змейкой пронизывал всё тело холод. И мысли лезли на ум какие-то дикие, леденящие душу. Забылся, наконец, боярин беспокойным сном, но вдруг выплыло перед его глазами как наяву окровавленное страшное лицо князя Василька. Пустые глазницы, превратившиеся в гнойные язвы, запёкшаяся кровь под бровями, шрам через щеку – Клима отчаянно закричал и... проснулся, переводя дыхание. Кружка холодного кваса понемногу привела его в чувство. Отдышавшись, боярин снова лёг. Но нет, никак не шёл к нему сон, душу наполняли, вспыхивая багряными сполохами, воспоминания. Позабытые за чередой лет события мчались перед ним стремительным потоком, так ясно, будто были вчера.

... Совсем молодым привела судьба Климу во Владимир-Волынский. В ту пору сидел там на княжении Давид Игоревич, двоюродный брат отца Мстислава, князя Владимира Мономаха. Оборотист и пронырлив был Клима, быстро сумел он войти ко князю в доверие. Во многом помог ему Туряк – один из ближних к Давиду волынских бояр. Был Туряк правой рукою князя, ходила о нём в народе недобрая лихая молва – из-за лесных угодий за речкой Турьей погубил он своего соседа, старого боярина.

Сперва Клима сторонился Туряка, но, видя, как тот тянется к нему, отбросил скрытность и недоверие. Вместе скупали они через подставных людишек поступающую из Галича соль и продавали её затем втридорога. В великом числе текли им в руки резаны и ногаты⁵¹, сребреники и златники⁵². И всё бы хорошо, ежели бы не бесконечные которы и свары на Волыни. То напакостят угры, то ляхи пожгут сёла и городки, то налетят свирепые половецкие орды. Да и сами князья готовы были перегрызть друг дружке глотку.

В лето 1097 от Рождества Христова вместе с князем Давидом Туряк и Клима поехали в Любеч на княжеский снем⁵³. Там после долгих споров князь целовали крест, клялись в мире и говорили: «Каждый отныне да держе вотчину свою». Это означало, что Владимир-Волынский оставался за Давидом Игоревичем, а Перемышль, Теремовля и Галич – за Ростиславичами, братьями Васильком и Володарем.

Довольные возвращались князья в свои терема. Со спокойной душой ехал из Любеча и Клима: раз не будет новых ратей, вырастут его и без того немалые прибыли.

Неприметный во время снema ромейский патриций как-то тихонько протиснулся в свиту князя Давида. А может, и не ромей то был вовсе, а переодетый в греческие одежды какой боярский слуга.

– Разговор есть, боярин, – чуть слышно шепнул он на ухо Климе.

Они уединились на задворках постоянного двора, где князь и дружина остановились по пути.

– Второй год я в вашей земле, – говорил патриций, кутаясь в длинную хламиду⁵⁴. – И вижу везде обман и предательство. Не хватает вам, русам, твёрдости духа. Вот как у нас – изменникам выжигают глаза. На площади, прилюдно, чтобы другим было неповадно. Пусть ваши князья берут пример с наших базилевсов⁵⁵, или хотя бы с Коломана, короля угров. Он велел ослепить родного брата, зато в державе его мир и покой.

---

⁵¹ Резана – денежная единица в Древней Руси, составляла 1/50 гривны, ногата составляла 1/20 гривны кун.

⁵² Сребреники, златники – древнерусские монеты из серебра и золота соответственно.

⁵³ Снем – княжеский съезд.

⁵⁴ Хламида – плащ.

⁵⁵ Базилевс – титул византийского императора.

Слушая вкрадчивую неторопливую речь ромея, Клима не на шутку встревожился и насторожился. Он знал: ни единого слова не скажет зря лукавый патриций.

– Отныне мир будет и на Руси. Роту⁵⁶ дали князи, крест святой целовали, – супьясь, неуверенно возразил он.

Ромей громко, от души рассмеялся.

– И ты веришь клятвам? Веришь крестному целованию? Не ожидал от тебя такой слепоты, боярин.

– Что же, думаешь, порушат роту?

– Уже порушили, боярин. Знаю я: сговорились заранее князь Владимир и князь Василько. Хотят выгнать князя Святополка из Киева, а твоего князя Давида с Волыни.

– Откуда услышал такое?! Ложь се! – воскликнул поражённый Клима.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, – с равнодушным видом пожал плечами патриций. – Моё дело – предупредить. Не внемлешь – вспомнишь меня после, когда Василько на твою соль длань наложит.

На том разговор и кончился. Ромей встал и быстро исчез, а Клима с той поры лишился всякого покоя. Как только выпал случай, рассказал он о слышанном Туряку, Туряк ещё с двумя боярами тотчас помчался упредить князя Давида, и пошло-поехало, быстро взросло посеянное хитрым ромеем ядовитое злое семя.

Клима вздохнул и попытался отогнать тяжёлые воспоминания, но они упрямо ползли в голову.

...Князь Давид сговорился со Святополком, они захватили обманом Василька, заключили его в оковы, а после великий князь, посоветовавшись с дружиной и боярами, отдал пленника в руки Давида.

Об остальном Клима знал понаслышке. В Белгороде подручные Давида, конюхи Дмитр и Сновид, набросились в горнице на Василька, прижали его печной доской к полу, а торчин⁵⁷ Беренди острым ножом вырезал ему оба глаза. Первый удар Беренди пришёлся по щеке, и с той поры зияет на обезображенном лице Василька глубокий шрам.

Многострадального слепца Клима увидел уже во Владимире. На всю жизнь запомнилось боярину страшное изуродованное лицо несчастного князя, ставшего жертвой клеветы и обмана.

Частенько после этого мучили по ночам Климу кошмары. Когда же бежал он в Новгород, обустроился, обжился здесь, то испытал немалое облегчение. Вроде стало забываться прежнее, спокойно, тихо жилось ему на новом месте. Но вот явился, словно из преисподней, проклятый Туряк и разбередил ему душу. Что теперь делать? Как быть?

Утром невыспавшийся, с красными от бессонницы веками, Клима приказал привести к себе пойманных в прошлую седмицу⁵⁸ на Торгу двоих беглых холопов.

– Ступайте на торжище, кричите супротив Мстислава, за Святополка! И на Софийскую сторону тож! Драки чините! Коли содеете, как говорю, свободу получите! Коли нет – ни пенязя за головы ваши не дам! Аще споймают, реките – боярина Гюряты вы люди! Пушай на него думают. Уразумели?! А я уж вас вытащу как ни то. Мне князь не откажет!

Холопы молча переглянулись и поклонились Климе до земли.

---

⁵⁶ Рота – клятва.

⁵⁷ Торчин – представитель племени торков. Торки жили в причерноморских степях в XI веке, были разбиты половцами и частично расселены русскими князьями по берегам реки Рось. Использовались как заслон от половецких набегов.

⁵⁸ Седмица (седмица) – неделя.

Глава 5

Киев тонул в синей предрассветной мгле. Понемногу небо начинало светлеть, и вдали стали видны тёмные очертания трёх гор: Киянки, Щековицы и Лысой, что, словно крепостная стена, окаймляли стольный град с запада.

Туряк спешился, расправил плечи и устало потянулся. Спина его ныла от долгой и утомительной езды. Далёк путь из Новгорода. Остановишься на постоялом дворе, покормишь овсом коней, отдохнёшь немного – и снова в путь. Туряк торопился, со рвением гнал скакунов по заснеженным дорогам, некогда было ему расслаживаться на постоянных дворах – важные вести вёз он своему другу и приспешнику, киевскому тысяцкому Путятю. Теперь же, при виде стольного града, хотелось поскорее добраться до своих палат, плюнуть на всех и вся и завалиться спать. Но дела – дела гнали Туряка к дому Путяты.

Сперва, как водится, боярин помолился Господу в соборе Софии, поставил свечку Всевышнему за то, что оберёг его в пути от разбойников, от болезней и прочих напастей, а после, не мешкая, направил стопы в хоромы тысяцкого.

...Путята Вышатич, рослый, полный, большеглазый, с широкой седеющей бородой муж лет шестидесяти – шестидесяти пяти, троекратно облобызал друга, хлопнул его по плечу и с довольной улыбкой приветливо вымолвил:

– По очам вижу, вести не худые привёз с Нова города. Голоден, верно, устал с дороги. Сей же час велю стол накрывать, мёдом тебя угощу, олом⁵⁹, брашном⁶⁰ добрым.

– Весть у меня одна, Путята, – сказал Туряк. – Разыскал я в Новгороде такого человека, что предан мне, яко пёс. Грех на душе его. И аще он супротив нас чего содеет, грех тот откроется.

– Кто ж сей человек? – нетерпеливо спросил Путята.

– Больно скор, боярин, – покачал головой Туряк. – Сказать тебе не могу. Вот предстану пред князем, скажу.

Путята обиженно нахмурился.

– Я, друже, тайн от тебя николи⁶¹ не держал. Разумел, и ты от меня ничего не утаишь.

– Да что ты, Путята! Какие такие тайны?! Просто столь важно се, что князя надобно оповестить.

– Дак скажи мне, я князя и оповещу. – Тысяцкий удивлённо пожал плечами.

– Самому мне сподручней будет, – возразил Туряк. – А пир отложим на время. Поедем сперва ко князю.

– Ну что ж. Будь по-твоему. – Путята развёл руками. – Тотчас велю коней запрягать.

...Великий князь киевский Святополк с младых лет отличался непомерной скупостью. Блеск золота, серебра, драгоценных вещей жёг и отравлял ему разум; любая, даже самая ничтожная потеря подымала в душе его бурю негодования и злобы. Зато как радовали его тяжёлые, окованные медью лари, упрятаные в подземельях терема, доверху наполненные сверкающими жемчужинами и звонкими монетами!

И не думалось никогда Святополку, что из-за чрезмерной скупости своей и алчности вызывал он тайные насмешки и тайную же ненависть. Сколько раз скупость и жадность мешали ему обрести друзей, союзников, сколько совершил он ошибок, попадаясь, в неотступной своей жажде лёгкой наживы, как рыба, в хитроумно расставленные врагами сети! Да и на киевский

---

⁵⁹ Ол – пиво.

⁶⁰ Брашно – еда.

⁶¹ Николи – никогда.

«злат стол» взлез он только благодаря сумасшедшей удаче, ибо оказался, неожиданно даже для самого себя старшим в разветвлённом княжеском роду.

Со Святополком жила с недавних пор родная его сестра Евдокия Изяславна, злая жестокая женщина, рано овдовевшая, не вкусившая толком радостей в жизни и потому ненавидящая всех на свете, кроме одного своего старшего брата, который – надо же – вспомнил о ней, позвал, поселил у себя под боком. В молодости выдана была Изяславна за Мешко, сына польского короля Болеслава Смелого, но едва сыграна была свадьба, едва провели супруги первую брачную ночь, как муж Евдокии внезапно умер – он был отравлен лукавыми ляшскими боярами. Сам король Болеслав ещё раньше бежал из Кракова и закончил свои дни в глухом монастыре в Каринтии. Власть в Польше перешла в руки его брата, князя Владислава Германа, который во всём слушался одного только ненавистного и народу, и молодой вдове воеводу Сецеха.

Все эти удары судьбы Изяславна перенесла стоически, но стала зла, груба, жестока к людям, злобу держала в сердце долгие годы и приехала с нею, наконец, в Киев, под крылышко ставшего к тому времени великим князем Святополка. Сестра оказалась под стать брату – тоже отличалась жадностью, любила дорогие вещи, но, в отличие от Святополка, не прятала золото в сундуки, а напяливала на себя ожерелья, гривны, браслеты, серьги, перстни, выставляла своё золото напоказ, рядилась в дорогие ромейские одежды, становилась похожей на куклу.

Брат и сестра остались в живых единственные из Изяславичей и потому друг друга держались, друг другу во всём помогали, друг с другом делились самым сокровенным. Зная, сколь часто советуется великий князь с сестрой в важных державных делах, многие бояре сватали стареющую Изяславну за своих сыновей, но неизменно получали от гордой надменной княжны решительный отказ.

Турыка смешили жалкие попытки спесивых бояр расположить к себе Евдокию. Не словами, не знатностью – верной службой лишь могли они доказать, что достойны руки великокняжеской сестры. Но только ли службой? Как-то постепенно, но с каждым годом всё настойчивее пополз по стольному граду слух, будто род свой ведёт боярин Турык от Тура, князя племени дреговичей, который, согласно летописной легенде, основал город Туров. И стало быть, происходит Турык не от каких-то там торков, он – прямой потомок древнего князя, и кому, как не ему, породниться с Изяславовым родом. Впрочем, сам Турык поначалу о таком и не думал, просто хотел он, чтоб знали о его якобы высоком происхождении. Втайне надеялся, что пошлёт его Святополк воеводою в город Туров – вот там бы уж он развернулся, показал свою силу, власть, волю. Но для этого надо было сперва доказать свою преданность великому князю, иначе – знал Турык – заподозрит Святополк неладное, подумает: метит Турык на его земли, посягает на его добро, готовит мятеж – не случайно говорят в народе о Туре. Сам не додумается князь, бояре подскажут, помогут, вложат в уши ему коварный навет.

Вот поэтому-то и стал Турык столь ревностно служить Святополку. Тогда и понял: если женит его князь на своей сестре, то за ней – как за крепостной стеной, никто перстом не тронет. Иначе – положение его шаткое, непрочное, в любой день могут отыскаться завистники, готовые обвинить его в измене. Тут одно из двух: либо стать вторым человеком в Киеве после князя, либо голову положить на плаху или, в лучшем случае, лишиться всего своего достояния. Иного для Турыка теперь пожалуй что и не было.

Но между Святополком и Турыком стоял тысяцкий Путята – этот ни за что не подпустит никого к великокняжескому столу, всех растолкает, всем горло перегрызёт. Турык стал потихоньку подбираться к тысяцкому, сопровождал его повсюду на охоте, в походах, сделался со временем незаменимым сподручником, советником в любых важных делах, открытых и тайных, и вот теперь наконец ехал вместе с Путятой ко князю.

Святополк – сухощавый, огромного роста, темноволосый, с узкой и длинной, доходящей чуть ли не до пупа бородой, облачённый в синий зипун иноземного сукна, в высокой горлатной шапке – принял бояр в горнице.

Туряк и Путята отвесили великому князю поклоны, после чего Туряк скромно присел на край обитой бархатом широкой лавки, а Путята привычно устроился поближе к Святополковому столцу⁶².

– Вот боярин Туряк, княже, – оповестил он. – Прибыл с Нова города. Весть важную имеет.

– Что за весть? – Святополк вопросительно приподнял бровь.

Туряк резко вскочил с лавки, снова земно поклонился князю и сказал:

– Имею в Новгороде верного тебе человека, боярина Климу, галичанина. Взбаламутит он люд новгородский.

– Лепо⁶³, – кивнул Святополк. – По весне велю князю Мстиславу выехать в Киев. Вольнь ему дам. В Новгороде же посажу сына своего Ярославца.

– Воистину, велика мудрость великого князя, – льстиво заметил Путята. – Славен делами своими ты, княже, аки Владимир Красно Солнышко, аки Ярослав, Мудрым наречённый.

– Помолчи, боярин! Не люба мне лесть этакая! – Святополк недовольно поморщился. – Собирайся-ка лучше к ляхам в гости. Дщерь мою повезёшь ко князю Болеславу. А ты, друже, – с мягкой улыбкой обратился он к Туряку, – верно службу мне справил. За се дарю тебе шубу со своего плеча. С Ярославцем моим в Новгород тебя пошлю. Будь ему во всех делах советчиком. Млад ещё сын мой – подсказывай ему, как быти, направляй длань его на врагов и непокорных. Ну, с Богом. Ступайте.

Бояре попятись к дверям, отбивая поклоны.

---

⁶² Столец – княжеское кресло.

⁶³ Лепо – здесь: хорошо.

Глава 6

– Княже, на дворе у Жиряты людей крамольных поймали! – выпалил прямо в лицо Мстиславу молодой гридень Осьмушко. – Лихое рекли! Баили, будто тиуны твои в Ракоме⁶⁴ смердов обирают. И будто глад великий от сего грядёт в Новом городе!

Князь спокойно выслушал гридня, холодно, с виду равнодушно глядя на него. Разгорячённый взволнованный Осьмушко тяжело дышал. По челу его струился пот.

– Что за люди? – спросил наконец Мстислав после долгого молчания. – Вызнали? Откуда взялись?

Гридень испуганно захлопал глазами.

– Неведомо, княже. Молчат, супостаты.

– Ну, стало быть, поехали тогда к Жиряте, – со вздохом промолвил Мстислав.

– Ступай, коня выводи! – крикнул он челядинцу и, набросив на плечи алое корзно, вышел в сени.

...Новгород встретил князя всеобщим оживленьем: носились по широким улицам запряжённые тройками ретивых коней возки и сани, отовсюду слышался звонкий смех – наступила Масленичная неделя, время начала весны и проводов зимы. На высоком возке Мстислав увидел изготовленное из соломы чучело – Масленицу, божество плодородия, зимы и смерти.

Князь невольно пожал плечами. Странное причудливое сочетание: плодородие и смерть. Как одно и то же божество может означать добро и зло, радость и печаль, тепло и холод.

Чучело было наряжено в разноцветное тряпье из женской одежды, к нему подвесили сковороду и блин – от блинов пошло и само название Масленицы.

Праздник, начавшийся накануне, будет продолжаться неделю, люди вдоволь наедятся, накаются в возках и на конях, радуясь приходу долгожданной весны, а затем устроят Масленице пышные похороны. Чучело сожгут за городом на костре, вокруг которого станут водить хороводы, плясать, будут шутить, петь и призывать весну. Или не сожгут Масленицу, а разорвут её в клочья и разбросают солому по полям: по поверьям, это принесёт обильный урожай. В песнях Масленицу обзовут непременно объедалой, блиноелой, иногда – обманщицей, памятуя, что следом за Масленичной седмицей наступает Великий семинедельный пост.

Народ веселился, но Мстиславу было не до веселья. Опять невесть откуда объявились в городе людишки с лихими речами. Видать, то Святополк из Киева всё норовит дотянуться до новгородского серебра и пушнины хищными своими лапами. Снова зреет – тихо, неприметно – смута. Обычно всегда так: ещё вчера веселились, пели, плясали, а сегодня схватили топоры, дреколья, ножи – и на мост, конец⁶⁵ на конец, сторона⁶⁶ на сторону. Новгородский люд вольный, чуть что не по нраву – тотчас выходит на брань. Стоит лишь искру зажечь – немедля огонь вспыхнет.

«Воистину, гнев людской огню всепожирающему подобен», – подумалось Мстиславу.

Понурый, сосредоточенный, молча чуть наклонял он голову в ответ на приветствия горожан.

Ехавшие впереди гридни с громкими окриками «Расступись!» отгесняли сани и телеги к обочинам дороги. Под копытами скрипел грязный черноватый снег.

Вереница всадников остановилась возле усадьбы старого дружинника Жиряты на Софийской стороне. Жирята, взяв в руку смоляной факел, провёл князя в тёмный сырой поруб,

---

⁶⁴ Ракома – княжеское село к юго-западу от Новгорода.

⁶⁵ Конец – район в древнерусских городах.

⁶⁶ Сторона – древний Новгород делился на две стороны: Софийскую (на левом берегу Волхова) и Торговую (на правом берегу Волхова).

где прямо на земле сидели два мужика в простых домотканых свитах. Один из них, со всклокоченными густыми волосами и чёрной, как смоль, бородой, взглянул на князя смело и открыто. В очах его Мстислав уловил дерзость, а в скривившихся устах – презрение и насмешку.

– Кто таковы будете? – грозно сдвинув брови, спросил князь.

– А тебе что за дело? – отрезал чернобородый.

– Почто кривду рекли?

– А язык, князюшко, без костей.

– Как смеешь князю дерзить! – вспыхнул Жирята. – Плетьми бы тебя отходить!

– Мы, боярин, биты уже. Хошь полюбоваться? – Чернобородый встал, скинул свиту, стащил с плеч льняную рубаху и повернулся спиной.

– Во, гляди.

На спине полоняника виднелись багровые рубцы.

– Кто ж тебя отходил? – спросил неприятно поражённый Мстислав.

– А боярин Гюрята.

– Так ты что ж, холоп его?

– Как же! Взял весною прошлую купу⁶⁷ у боярина, а он ныне резы⁶⁸ уплатить велел. А с чего я уплачу? Уговора такого не было, чтоб нынче.

– Так ты, стало быть, холоп обельный⁶⁹, раз купу выплатить не можешь? – прищурил око, спросил Мстислав. – Али врёшь всё?

– А чё мне врать-то? – недоумённо пожал плечами чернобородый.

– Кто повелел речи лихие вести? Гюрята? Али иной кто? – продолжал допытываться Мстислав.

Чернобородый молчал, кривя уста в презрительной усмешке.

– Ты что скажешь? – обратился Мстислав ко второму мужику, приземистому, с боязливо бегающими маленькими светлыми глазками.

– Я... Я... того... Не ведаю я ничего... То он всё, – дрожащей дланью указал тот на чернобородого.

Мстислав почувствовал внезапно охватившее душу отвращение. Противно было ему выпрашивать этих упрямых холопов, явно рекущих с чужого голоса. Не вести сыск – княжить поставлен он в Новгород.

– Жирята! – окликнул он хозяина. – Вели пытать их. Пущай сознаются, кто подослал их.

Старый дружинник согласно кивнул.

Мстислав резко повернулся и, не глядя более на мужиков, поднялся вверх по каменной лестнице.

В невесёлом настроении возвращался он в Городище. Чуждым и нелепым казался ему теперь праздник на новгородских улицах. Зачем, к чему придумали его вообще люди?

Светило яркое вешнее солнце, снег искрился и слепил глаза, весело гудела толпа на площади, глядя, как какой-то молодец взбирается по гладко отёсанному бревну за сафьяновыми сапожками, которые, наверное, подарит своей жене или невесте, всюду наперебой кричали бабы, торгующие пирожками и блинами, а Мстиславу представлялось, как на город из-за купола Софии наползает уже иссиня-чёрная грозовая туча. Вот-вот загремит гром, засверкают огненные стрелы молний, подыметесь вихрь и воды Волхова, прорвав ледяной панцирь, станут бесноваться во мраке. Тревожно и тяжело было на душе.

Огрев коня плетью, Мстислав понёсся галопом, словно стараясь как можно скорее оставить за спиной этот вечно обманчивый, переменчивый, непостижимый город.

---

⁶⁷ Купа – денежная сумма, взятая в долг.

⁶⁸ Рез – процент от взятой в долг суммы (купы).

⁶⁹ Холоп обельный – то есть полный, не имеющий средств расплатиться.

Глава 7

В апреле, в самый разгар вешнего половодья, добрался до Городища весь облепленный грязью гонец из Смоленска. Он протянул Мстиславу грамоту с коротким отцовым наказом: «Езжай в Смоленск. Буду совет с тобою держать».

Время для дальней поездки было не лучшее, ибо размытые талой водой дороги стали труднопроходимы даже для конницы, но Мстислав, догадываясь о важности грядущего разговора с отцом, тотчас тронулся в путь. С собой молодой князь взял только небольшой отряд молодой дружины; остальную, большую часть воинов он оставил в Городище под началом посадника Павла: во-первых, не хотел мучить людей и коней; во-вторых, сознавал, что Новгород без охраны оставлять нельзя.

Пробирались к Смоленску через слякоть, грязь, болота. То и дело всадники вместе с конями проваливались в мутную холодную воду и с превеликим трудом, все мокрые и грязные, выбирались на сухое место. Только когда наконец миновали Воробьёвы горы, когда отдохнули немного в Торопце, небольшом городке на берегу чистого и светлого озера Соломено, Мстислав вздохнул с облегчением: самая трудная часть пути осталась за спиной. Дальше дорога стала получше, кони пошли веселее, и через седмицу молодой князь наконец достиг Смоленска, где его уже ожидал отец – князь Владимир Мономах...

Мономах принял сына в горнице огромного княжеского терема, срубленного бог весть в какие времена. Горница была побелена, но в некоторых местах штукатурка отвалилась и оголились ветхие тёмные брёвна и доски.

Князь Владимир не отличался, как Святополк, очень высоким ростом, но был широк в плечах и силён, имел рыжеватые, немного вьющиеся волосы, высокий лоб, носил широкую короткую бороду. О его ратных подвигах в народе ходили легенды. Сказывали люди, будто в одиночку вязал он в степи диких коней-тарпанов, поднимал многопудовую палицу, был непобедим в кулачном бою.

И Мстислав, слушая рассказы об отце, завидовал ему. В его, Мстислава, честь, увы, не слагали былины, не пели песни. Да и о чём петь, чем он славен? Пока ничем. Нужно ждать, терпеть, питать надежду – придёт и слава, и величие. Но придут ли?

Душу Мстислава грыз червь сомнений. И когда он предстал перед отцом, то не улыбнулся, а лишь нахмурился и покорно склонил голову перед старшим, как было положено по обычаю.

Владимир, одетый по-домашнему, в перетянутую холщовым пояском простую долгую белую рубаху с вышитыми красной нитью узорами по вороту, подолу и рукавам и расширенные у колен шаровары тёмно-синего сукна, заключил сына в объятия, расцеловал его и, с улыбкой всматриваясь в хмурое Мстиславово лицо, промолвил:

– Сколько ж лет не видались, Мстиславушка?! Сколь возмужал ты! Вот княжишь вдали от отцова стола, и не видать тебя. Ну, о том после. Бабы вздохи да воспоминанья оставим на потом. О делах державных потолкуем. Как в Новгороде ныне? Лихо, верно?

– Лихо, отче. Нет в городе покоя. Смута идёт. Народ буянит, – коротко отвечал Мстислав.

– А мыслишь, отчего смута? – прищурился, спросил князь Владимир.

– Святополковы люди, отец, лиходейство измышляют. Не по нраву стрый⁷⁰, что сижу я в Новгороде.

– Верно, сыне. Далеко зашло дело. – Мономах тяжело вздохнул. – Нынче звал меня Святополк в Киев. Поганые каждое лето Переяславскую землю жгут и грабят, вот он и молвил:

---

⁷⁰ Стрый – дядя со стороны отца.

помогу, мол, тебе с погаными совладать, аще Новгород отдашь. Мыслит вывести тебя во Владимир на Волыни, а в Новгороде своего Ярославца посадить.

Мстислав вспыхнул, сверкнул тёмными очами, вскочил со скамьи и выкрикнул прямо в лицо отцу:

– Не выйдет у него! Не отдам! Не отдам Новгорода! Я здесь вырос, здесь с малых лет сижу! Не позволю! Не его се земля! Не довольно ли, отче, нам сего лиходея слушать?! Да мы!.. Аще измыслит что недоброе, пойдём на Киев, изгоним супостата!

– Ты не кипятись, – спокойным голосом оборвал Мстиславовы излияния Владимир. – Новгород издавна, ещё от деда твоего, под нашею рукою, и отдавать град сей нет у меня никакой охоты. Но поступить, как ты молвишь – глупо. Святополк намного сильнее нас. За ним – ляхи, угры, Святославичи, Всеславичи. А у нас с тобой кто? Ромея – далеко, не помощница она. Да и к чему которы разводит на Руси? И без того Русь исстрадалась: грады – в руинах, на месте сёл – пепелища, поля сорняками заросли. Ты поезди-ка по Переяславщине, по Черниговщине. Увидишь повсюду кровь, смерть, слёзы. Не о которах – о поганых думать надобно. Потому со Святополком – лукавою сей лисою – воевать по-тихому станем. Ты как воротишься в Новгород, побай⁷¹ со старцами градскими⁷², с купцами, со владыкою⁷³. Вопросы их: хоцут ли, чтоб сидел в Новгороде Ярославец. Уверен: «Нет!» скажут.

– И что тогда? – спросил недоумевающий Мстислав.

– А тогда, аще вызовет тебя Святополк в Киев, поезжай к нему с боярами, смиришь с виду, сложи с себя власть в Новгороде, но бояре, но послы от владыки, от купечества – все за тебя станут. Не захоцут иметь князя из Святополковых рук. И тогда Святополк уступит, не дурак он, чтоб сколоту⁷⁴ великую зачинать. Разумеешь?

– Разумею, отче, – согласно кивнул Мстислав. – Да токмо вельми опасное се дело. Как бы чего худого не вышло.

– Ничего, – успокоил его князь Владимир. – Токмо вот надобно выведать, кто ж в Новгороде из бояр воду мутит. Ставр? Нет, он Святополку ворог первый. Завидич? Вряд ли. Подозреваю я некоего Климу, галичанина.

– То верный мне человек, отче, – возразил Мстислав. – Ко свеям ездил сватом, служил мне исправно.

– Грешки за Климой числятся, и немалые. Святополк запугать его мог. Потому приглядывай за сим боярином.

– Ладно, отец. – Мстислав впервые за время их разговора улыбнулся.

– Как там мать твоя поживает? Всё такая же упрямица? – спросил вдруг князь Владимир.

Лицо его внезапно, в одно мгновение приняло грустное задумчивое выражение, Мстиславу показалось даже, что в глазах у отца проблеснула слеза.

«Ведь любят же, любят друг дружку! И чего расстались?!» – подумал он с горечью и невольно вздохнул.

– Мать? Да жива-здорова! Всё на богомолье рвётся, в Иерусалим, – ответил Мстислав с вымученной улыбкой.

– Она такая. От своего не отступит, – кивнул сидящей головой князь Владимир. – Ты передай: пути до Иерусалима тяжки и опасны. Половцы вдоль рек рыщут, перехватывают караваны купеческие, лады. Вот побьём их, тогда. Покуда пускай обождёт.

Отец и сын долго молчали, каждый из них вспоминал прошлое, которое казалось сейчас, с высоты прожитых лет, гораздо более светлым и счастливым, чем время нынешнее.

---

⁷¹ Баить – говорить.

⁷² Старцы градские – категория бояр на Руси, потомки крупных местных землевладельцев.

⁷³ Владыка – здесь: новгородский епископ (позднее – архиепископ).

⁷⁴ Сколота – смута, междоусобица.

Наконец Мстислав спросил:

– Ну а у тебя, отче, как? В семье лад?

– Жаловаться грех, – коротко отмолвил отец. – Вон, пятеро чад малых. Да и ты, смотрю я, не сильно отстаёшь. Оно и к добру. Надобно, чтоб корень наш на земле Русской укреплялся.

Князь Владимир потрепал первенца по жёстким тёмным волосам.

– Мужаешь, Мстиславе, – сказал он, с любовью глядя на смуглое лицо сына. – Один тебе совет: не горячись. Голова у князя всегда холодной быть должна. Тогда токмо великим станешь.

Мстислав вздрогнул при слове «великим», поднял голову и изумлённо взглянул на отца. Сердце его учащённо заколотилось, и в висках словно отдалось: «Мстислав Великий! Мстислав Великий!»

...Боже, как далёк он ещё до этого!

Глава 8

В Новгород Мстислав возвращался с двояким чувством. С одной стороны, ещё ничего толком не сделав, он проникся убеждённостью, что всё будет именно так, как говорил отец. Отца молодой князь привык слушаться во всём, ибо понимал, что без отцовской поддержки он, собственно, никто, нет за ним никакой силы.

Но вместе с тем Мстислав внезапно ощутил, сколь же он ещё неразумен, сколь далёк от истинного властелина, сколь сильно проигрывает в сравнении с умным и дальновидным своим родителем. Есть на свете такое понятие – державная мудрость, и вот ею-то как раз, этой мудростью, он и не обладал. Привык сидеть в своём Новгороде, среди крикливых бояр и свободлюбивых простолюдинов, и не думал, что на мир, оказывается, надо смотреть шире, надо, не забывая про повседневные дела, ведать обо всём, что творится на Руси и в сопредельных странах.

Мстислава не покидало чувство, что упустил он в жизни нечто важное, не постиг чего-то великого, необходимого. Во что бы то ни стало надо было ему постичь это великое, но как это сделать, как наверстать упущенное, Мстислав не знал и оттого страдал.

Теперь и вечные княжьи хлопоты, заботы стали казаться ему пустыми, ненужными. Всё больше и больше времени проводил он за книгами и беседами с учёными людьми, стал привечать монахов, проповедников, не скупился на вклады в монастыри и повсюду велел возводить в Новгородской земле церкви.

Строился Николо-Дворищенский собор в Новгороде, заканчивали зодчие возводить церковь на Городище, в Плескове заложили Мирожский монастырь. А уж сколько маленьких одноглавых церквушек было построено за последнее время, и не перечесть. Словно грибы после дождя, выростали они в сёлах, деревнях, пригородных слободах.

И Мстислав проникался при виде возводившихся церквей высокой, какой-то неземной радостью, не понятой до конца даже им самим, словно становился сопричастным к делам, гораздо более значимым, важным, нежели мелкие заботы, надоедливые, как мухи.

Между тем рождались у него один за другим дети, Мстислав стал уже отцом большого шумного семейства, и везде и во всём рядом с ним была теперь Христина, ещё более пополневшая после многочисленных родов, дородная, ленивая. Забыла даже и про своё Сытино, тянулась к князю, требовала неустанно от него любви и к себе, и к детям.

Однажды Мстислав сказал Христине о том, что в скором времени, возможно, им придётся перебраться из Новгорода на Волынь. Княгиня удивлённо пожала в ответ плечами, спросила: «Зачем?» – и так, кажется, ничего толком и не поняла. В её голове не укладывалось, что Новгород – всего лишь частица огромной Руси и что её муж, в сущности, только вассал своего отца, князя Владимира. Да и могла ли она ведать, что княжеская жизнь на Руси исполнена беспрестанного, нескончаемого передвижения, что нет здесь, как в других странах, постоянства, что князья то и дело бегают со стола на стол, меняют одну волость на другую и что младшие во всём подчинены воле старших...

Глава 9

Исполняя наказ отца, Мстислав вскоре после возвращения в Новгород позвал к себе на беседу посадника Павла.

– Домогаются Святополк Новгорода, хочет вновь его своей воле подчинить. Коли сядет на столе Ярославец, то киевские посадники и воеводы всю власть в городе возьмут, – выслушав рассказ князя, молвил Павел. – Многие бояре разумеют се. Тебя же здесь вскормили, думают: под их боярскую дудку плясать будешь. Ты, княже, в том и не разубеждай их покуда. Тогда бояре да купцы за тебя всем скопом станут. Со Ставром потолкуй, он Святополку давний враг, со Гюрятою такожде побай – сей муж осторожный, уступчивый, но вельми хитрый, его запросто так не возьмёшь. Но тебе он покуда верит. Купцы новгородские, думаю, тож супротив не будут. Поимей и с ними беседу. Климю же остерегайся, в тайне от него мысли свои держи.

– Значит, мыслишь, получится, как батюшка советует? – в волнении спросил Мстислав.

– А отчего б и не получиться? Святополка тут, в Новом городе, крепко не любят. Ты же, Мстиславе, нелюбовь сию разогревай неприметно этак, людей верных подыскивай. Оно, конечно, дело тонкое. В оба глядеть надобно.

От речей Павла Мстислав ещё более приободрился.

По совету посадника он спустя несколько дней побайл о Святополковом повелении со Ставром, Гюрятой, с некоторыми иными боярами, со старостами купеческих сотен, с настоятелями монастырей, со владыкою, и все – и бояре, и купцы, и иереи – были единодушны:

– Не хотим ни Святополка, ни сына его, ни посадника.

И потому, когда осенью 1102 года от Рождества Христова к Мстиславу прискакал гонец из Переяславля с грамотой, в которой князь Владимир просил сына выехать в Киев, молодой князь не огорчился, не встревожился такому известию, а без задержек отправился в путь. С собой Мстислав взял нескольких бояр, а также выборных от купцов и посланника от владыки.

Стоял сентябрь, на деревьях шумела под порывами ветра листва, краснели в лесах осины, желтели берёзы, липы, дубы, и посреди спокойного шелеста, посреди увядания, наводящего грусть, Мстиславу думалось: как же всё в мире ничтожно – и борьба за княжьи столы, и стремление к власти, – сколь всё переменчиво, зыбко, суетно.

После Смоленска Мстислав словно возвратился из осени в лето. На юге Руси сады, леса и рощи ещё стояли зелёные, ярко светило солнце – повсюду кипела жизнь, осени здесь не чувствовалось, не пришла она ещё сюда, не принесла с собой холода северных ветров, не нагнала на небеса серых туч.

Даже сопровождающий Мстислава в пути вечно хмурый Олекса при виде этого буйства красок повеселел и принялся насвистывать шуточные скоморошьи песенки.

Уже возле Переяславля путников настиг сильный и тёплый ливень, какие часто случаются летом, но осенью сменяются уныло морозящим дождиком, размывающим дороги и делающим их непроезжими.

Вода ручьём текла с усов, с бороды, но Мстислав, уставший за долгое время дороги, радовался весёлому освежающему дождю. Он готов был, забыв про своё княжеское достоинство, рассмеяться, как наивный ребёнок, задрать голову и подставить лицо низвергающемуся небесному водопаду.

Сзади один из дружинников снял с головы шлем, наполнил его водой и со смехом обливал товарищей. Отроки, спешившись, бегали, словно дети, друг за дружкой между конями. Повсюду слышались шутки, кто-то уже мерился силой, катаясь по зелёной траве, кто-то, сбросив одежды, мчался к сереющей неподалёку речке...

Но вот Мстислав громким окриком прервал это нежданное веселье.

– Переяславль близко, други. Поспешим же, – коротко отрезал он, указывая рукой на видные впереди бревенчатые башни сторожевого городка.

В Переяславль въехали поздним вечером. Не успел Мстислав как следует осмотреться на хорошо знакомом княжьем дворе, как навстречу ему выбежала орава ребятишек мал мала меньше. Два княжича, Юрий и Роман, облачены были в долгополые кафтаны зелёного цвета, перехваченные золочёными поясками с раздвоенными концами. На голове у каждого красовалась полукруглая, обшитая сверху парчой шапка с собольей опушкой. Здесь же находились две крохотные сестрёнки Мстислава – Агафья и Евфимия, облачённые в нарядные платья. Ему вынесли на крыльцо грудного младшего Мономахова отпрыска – Андрея. Княгиня Евфимия – рослая статная жёнка – приветствовала Мстислава поясным поклоном и церемонно пригласила в терем.

После был пир в кругу отцовской семьи. Мстислав, вспоминая своё детство, чувствовал себя среди малознакомых княжеских слуг и отроков как-то неловко, хоть и старался улыбаться в ответ на похвальбу и ласковые слова мачехи.

На следующее утро его вызвал к себе отец. Снова, как и в Смоленске, они сидели друг против друга в палате, и князь Владимир, хмуря высокое чело, негромко говорил, наставлял сына:

– Поступай, как уговорились. Скажешь Святополку, будто во всём послушен его воле. А дальше уж новгородцы сами порешат, как быти. В прю не встревай, сиди молча и жди.

Мстислав кивал.

– О Климе не сведал ничего? – спросил Мономах.

– Тих больно стал боярин Клима. Подозрительно тих, – отозвался хриплым голосом Мстислав. – Следить за ним посылал людей. Ничего не проведали. Затаился.

– Ну и бог с ним, – вздохнул Владимир. – Одно скажу, сыне. Святополк – лукав, яко дьявол. С молодости лукавством отличен был. Вот иной человек как? Когда власти достигнет вышней, быстро к сему привыкает. Теперь уж иные лукавят, а он – нет, он – волю свою навязывает, силою кичится, доспехами звенит. Так обычно бывает. Но Святополк – он не таков. Скрытен, не верит никому. Послал нам, сыне, Бог супротивника скользкого, яко угорь. Не изменил его стол великий. Какою лукавою лисою был, таков и ныне есть.

– Разумею, отче. Слова лишнего не промолвлю у Святополка в хоромех, – сказал Мстислав.

– Что ж, полагаюсь на тебя. Новгорода нам терять николи не мочно. Помни. – Владимир встал со стола и перекрестил торопливо вскочившего сына.

...Мстислав отправился в Киев в сопровождении Мономахова гонца, который вёз к Святополку грамоту. В ней Владимир указывал, что, согласно прошлому уговору, он посылает в Киев сына и что сын согласен покинуть Новгород и по воле великого князя выехать во Владимир-Волынский.

В Киеве Мстиславу не доводилось бывать уже довольно давно. После того как сел на новгородский стол, лишь изредка, на короткое время наезжал он в стольный, да и то только когда приглашал его в гости какой-нибудь знатный боярин.

На сей раз остановился он на подворье, которое всегда занимали новгородцы. Прибыли в Киев часа в два пополудни, и едва только боярские и княжеские слуги принялись разгружать возы, неся в просторный деревянный терем с высоким крыльцом господскую рухлядь⁷⁵, как в ворота громко и настойчиво постучали.

Высокий боярин в дорогом кафтане с золотой прошвой, перехваченном широким кожаным поясом, в тимовых сапогах с боднями⁷⁶, в парчовой шапке, с саблей в серебряных нож-

---

⁷⁵ Рухлядь – здесь: вещи, не обязательно старые.

⁷⁶ Бодни – шпоры.

нах на боку поклонился князю, одетому ещё по-дорожному, в грубый вотол⁷⁷, и торжественно промолвил:

– Княже! Велено передать: завтра поутру ждёт тебя князь великий Святополк Изяславич в палатах своих. И бояр новгородских, и старост купеческих, и посланника от владыки такожде⁷⁸.

Мстислав с надменным видом выслушал боярина, согласно кивнул ему и коротко отрезал:

– Передай великому князю: завтра буду.

...Просторная горница освещена была десятками толстых восковых свечей. В углу, под образами, горела тонкая лампада. Мстислав, с трудом скрывая волнение, почти не смотрел на одетого в голубой зипун⁷⁹, важно восседающего в высоком, обитом парчой кресле Святополка. Взгляд молодого князя прикован был к иконе Спасителя. В жгучих чёрных очах Христа искал он поддержку, помощь, наставление.

«Помоги, Боже! Не погуби, не отдай Новгород на растерзанье хищнику! Уйми ярость его! Не допусти, Господи, раскола, разоров, крамол новых в земле Русской!» – молил Мстислав, в мыслях обращаясь к Богу.

Отвесив великому князю глубокие поклоны, бояре и старосты купеческих сотен, держащиеся солидно, с достоинством (как-никак послы от Великого Новгорода, не иначе), рассаживались на лавки за высоким и длинным дубовым столом.

Мстислав, не решаясь ни сесть, ни подойти ближе к Святополку, в каком-то нервном оцепенении застыл посреди горницы, судорожно сжав в руках отцову грамоту. Гюрята тихонько подтолкнул его в спину, и этого было достаточно, чтобы Мстислав встрепенулся, шагнул к Святополку и, протянув ему грамоту, осведомился:

– Звал, княже великий?

– Звал, – хищно, как ястреб на свою жертву, уставившись в лицо молодому князю, прохрипел Святополк.

Мстислава пронизала дрожь, когда грозно взглянули на него чёрные Святополковы очи, но он усилием воли заставил себя успокоиться и, стараясь придать голосу твёрдость, продолжил:

– Уговаривался ты, княже, с родителем моим о Новгороде прошлым летом. Ныне готов я передать тебе стол новгородский. Взамен же дай мне Владимир-Волынский. Вы с отцом моим, князем Владимиром, о том толковали.

– Лепо, Мстиславе. – Святополк затряс своей длинной седеющей бородой и улыбнулся. – Поезжай во Владимир. Волынь – край богатый, урожаи там каждое лето славные: пшеница родится, гречиха, ячмень. Люду много, ролья⁸⁰ велика. Доходы казне твоей, мыслю, немалые будут.

«Кабы доходы велики были, не отдал бы Волынь ни за что, собака! – подумал с ненавистью Мстислав. – Забыл сказать, что над полями теми лишь воронье кружит да вместо живых людей кости всюду белеют!»

Мстислав сел на скамью, и тогда поднялся боярин Гюрята Рогович.

– Дозволь, князь Святополк, сказать тебе от всего новгородского люда, – молвил он. – Не хотим мы тебя, не хотим и сына твоего у себя иметь. Аще же две головы у твоего Ярославца, что ж, посылай его нам. Мы же сами себе князя вскормили. – Он указал в сторону опустившего голову смущённого Мстислава. – А ты ушёл из Новгорода. По своей воле, никто тебя не гнал.

---

⁷⁷ Вотол – верхняя дорожная одежда, грубая, из валяного сукна. Существовали и дорогие вотолы, саженные жемчугами.

⁷⁸ Такожде – также.

⁷⁹ Зипун – верхняя мужская одежда, кафтан с длинными рукавами и раскошенными книзу полами, без воротника.

⁸⁰ Ролья – пашня.

В горнице воцарилось молчание. Обескураженный Святополк подался всем телом вперёд, не выдержал, вскочил с кресла, заходил по скрипящим половицам и, размахивая руками, гневно заговорил:

– Вольность почуяли, гляжу! Я вот вам задам! Погодите. Не возьмёте князя из моих рук, места живого от вашего града не оставлю! Ишь, осмелели! Али забыли ряд Ярославов?! Моему отцу Новгород даден был, моя се вотчина!

– А ты сам чего ж со своей вотчины ушёл? – прищурился, спросил купеческий староста Иванко. – Видать, не по нраву град наш вольный. Мы тебя не звали, сам пришёл, сам и ушёл. А ныне князь у нас есть, люб он нам, иного не хотим.

– Зря грозишь, князь Святополк, – вмешался в беседу посланник владыки протоиерей Иоанн. – Погляди окрест. Поганые землю Русскую грабят, людей в полон уводят, сёла, нивы жгут. Зря прю⁸¹ с нами затеваешь, напрасно с мечом на Новгород идти измыслил. И ты, и мы – христиане, помни се.

– В последний раз по-доброму прошу, – с угрозой изрёк Святополк. – Примите князя из моих рук. Ярославец мой – не последний в князем роду. Хоть летами он и моложе Мстислава, мыслю, вам по нраву будет. Сказываешь, Божий человек, с мечом я на Новгород идти измыслил. Ложь молвишь. Коли покоритесь воле моей, никто вас не тронет.

– Не будет в Новгороде иного князя, окромя Мстислава, – снова вступил в разговор Гюрята. – Новгородский люд так порешил, а Новгород, князь, – сила великая. Сам ведаешь.

– А ты, Мстиславе, что скажешь? – стиснув зубы, процедил Святополк. Лицо его переёрнулось от злобы.

– Я, стрый, слово своё уже здесь сказал, – тихо вымолвил Мстислав. – Готов езжать на Волынь, как ты и велишь.

– А мы тебя не пустим, княже! – перебил его Иванко. – Вот сейчас возьмём и уведём на своё подворье. Не о чем боле толковать.

– И верно, пойдём, княже. – Гюрята положил руку на Мстиславово плечо.

Мстислав встал, поклонился Святополку в пояс и, разведя руками, со слабой смущённой улыбкой сказал:

– Извини, стрый, что получилось так. Ведаешь ведь, лихой в Новгороде народ. Я и рад бы уступить, да не всё в воле моей.

– Ладно, ступай, – сокрушённо махнул рукой раздосадованный Святополк. – Тебя не виню ни в чём.

Мстислав почувствовал, что с души его словно упал камень.

---

⁸¹ Пря – спор.

Глава 10

В то время как Мстислав с новгородскими мужами пребывал у великого князя, гуслиар Олекса, делать которому в Киеве было особо нечего, прогуливался по тенистым городским улочкам. Сначала он прошёлся по Бабьему Торжку⁸², где царило оживление и под звуки дудок плясали потешные скоморохи в масках-скуратах, а затем, когда надоели ему шум и крики вокруг, направил стопы к Золотым воротам, за коими тянулись утлые хижинки киевского предместья.

Золотые ворота поразили его своим великолепием. Дубовые створки ворот, обитые листами позолоченной меди, ослепительно сверкали под лучами солнца. Над аркой величественно возвышалась сложенная из розового кирпича надвратная башня. Кверху она немного сужалась, и на высоком её забороле виднелась такая же празднично-розовая нарядная церковенка с золотым куполом.

Олекса невольно остановился в нескольких десятках шагов от ворот, задрал голову и восхищённо уставился на эту так неожиданно открывшуюся ему красоту. Он впервые был в стольном граде и никак не мог надивиться его строениям. Чувство было такое, будто попал он в некую сказку, – чем-то необычным, изумительным, неземным веяло от Киева, от его соборов, теремов, башен, словно город этот ближе, чем любой другой, был к Богу, к небесам, возвышался надо всем миром, но не надменно, не кичливо, а плавно, красиво, будто стелился над землёю, витал в воздухе – невесомый, прозрачный, полный ярких сочных красок.

У Золотых ворот, прислонившись спиной к каменной стене, сидел молодой гуслиар в белой, перетянутой на поясе кожаным ремнём свите из грубого сукна. Его длинные, перехваченные на голове широким серебряным поясом русые волосы плавными волнами ниспадали на плечи, на лоб, почти полностью закрывали уши. Гуслиар перебирал тонкими чувствительными перстами струны и тихо напевал грустную, незнакомую Олексе песнь. Затуманенный взор его зелёных очей устремлён был вдаль, и вряд ли молодой песнетворец замечал кого перед собой – весь он был во власти высокого полёта, наверное, очень далеко улетел в своих мыслях от земли, от Киева, от Золотых ворот, от деревянной скамейки, на которой сидел.

Олекса пристально взгляделся в лицо певца и, не в силах более сдерживать свой восторг, воскликнул:

– Ходына!

Гуслиар вздрогнул, рука его замерла на струнах, он вскочил со скамьи, отложил гусли и бросился к Олексе с распростёртыми объятиями.

– Друже! Откуда ты здесь?! – удивлённо спрашивал Олекса. – Вот уж не думал тебя тут сыскать!

– А я, друг Олекса, уже проведал, что ты со князем Мстиславом в стольном. Хотел нынче же тебя навестить. Извини, не торопился. – Ходына с улыбкой тряс товарища за плечи. – Ибо сегодняшний день – самый счастливый в жизни моей! Сижу, понимаешь, тут с раннего утра, играю на гуслиях невесть что, глупость всякую. Вдруг гляжу: чрез врата возок въезжает боярский, останавливается, а из него... Дух захватывает! Дева, будто ангел во плоти. Власы светлы, лик ясен, очи – будто камения алмазные. Словами не передашь. У меня аж голос пропал, персты замерли. А ангел молвит: «Спой мне, гуслиар, песнь славную». Ну уж я самое лучшее, что токмо выдумал, петь стал. Ещё Боянову песнь припомнил, спел. А она глядит на меня, видит, сколь очарован я, и улыбается. А улыбка... Нигде таковой не видывал, друг Олекса. Гривну златую дала мне. А рука её – аки молоко белое, аки снег, аки пушинка. Всю жизнь воспевать сию красу готов. Сижу вот теперь, песнь сочиняю. После у купца одного испросил, что за дева. Мария,

---

⁸² Бабий Торжок – торговая площадь в древнем Киеве, внутри княжеского Детинца.

дщерь боярина Иванко Чудинича. Боле, Олекса, ничего мне на свете не надобно. Сидеть бы под окнами терема её до скончания дней да песни слагать.

Олекса пожал в ответ плечами.

– Что есть краса людская? Всё бrenно, Ходына. Всё на земле непрочно. Мы умрём, ничего от нас не останется. Лишь красота соборов, градов, икон – вечна. Поклоняйся ей.

– Молод ты ещё, Олекса, – вздохнул Ходына. – Я тебя постарше буду, брате, поболее в жизни повидал. Скажу одно: нет ничего на свете, что могу сравнить с красою той девы. Ты не видал её, потому и молвишь глупость. Всё меркнет – соборы, иконы, злато – пред её взором.

Ходына порывисто схватил гусли, ударил по струнам и пропел:

Нет на свете белом красы иной,
Кроме той, что открылась мне.
Обрету ли отныне покой я
На сей бrenной земле?
Очи твои подобны алмазам,
Уста – будто свежесть весеннего утра,
Голос – словно журчанье ручья,
Волосы – будто колосья снега.

– Ты – лучший певец во всей Руси! – воскликнул растроганный Олекса. – Кто ещё мог бы такое сложить?!

– Того уж нет в мире, Олекса. Боян – он песнетворец был великий.

– Приходи, Ходына, завтра ко князю Мстиславу, – предложил Олекса. – Споёшь, князь наш песни любит.

– Нет, друже, не пойду ко Мстиславу. Ибо ведаю: у них, князей, своя правда, у нас, певцов, – своя. Погляди, Олекса, окрест. Уразумеешь многое. Народ страдает от крамол княжьих, а князьям – им дела нет до бед людских. Мать Мстиславова Бояна нашего до смерти запороть велела по навету Святополковому, князь Владимир спас. Спас, но прогнал Бояна с родной его Черниговщины. Маялся Боян, мыкался весь остаток дней своих по Ростовской земле, по Полоцкой, но нигде покоя не обретал. Такова, друже, княжья милость.

– Не знаешь ты князя Мстислава, Ходына. Он бы тебя приветил. Ну да как хошь. Силою ко князю не поташу. Скажи лучше, как дальше жить мыслишь?

– А вот как ныне. Сидеть да песни слагать. На что я ещё годен? – Ходына грустно усмехнулся. – Мыслил, в Угрию схожу, много там наших русичей на Дунае селится. Но теперь, как красу увидал неземную, никуда не тянет из Киева. Отныне куда она, туда и я.

Друзья направились в корчму в предместье Киева, до позднего вечера пили вино и услаждали слух людей песнями, затем Ходына остался там ночевать, а Олекса, успев проскочить через Золотые ворота, когда стража уже собиралась закрывать их на ночь, воротился на новгородское подворье. В голове его стоял туман, он никак не мог понять восхищения Ходыны красотой боярской дочери, ибо не ведал ещё любви – этого всепоглощающего чувства – и мечтал лишь о ратных подвигах.

Более увидеться с Ходыной Олексе не удалось. На следующий же день он с Мстиславом покинул Киев, и, как думалось ему, надолго, а может, и навсегда расстался со своим другом.

* * *

Мстислав уезжал из Киева с радостью. Нет, не всеилен оказался Святополк, уступил он воле новгородцев, уступил ему, Мстиславу, стол. Все его угрозы, уговоры оказались тщетными, пустыми словами, он подчинился, он поддался чужой воле, чужой власти, чужому желанию.

Тем временем наступила и на юге Руси настоящая осень. Сыпались под ноги жёлтые листья, с тихим шелестом ложились на землю, одевали её в красочный осенний наряд. Кони медленно брели по широкому шляху, и Мстиславу казалось, что такая дорога будет вечной и вечным будет это ощущение радости.

Он даже временами спешил и, держа коня за повод, шёл по шуршащей листве, глядя себе под ноги, не замечая вокруг никого: ни Олексы, ни протоиерея Иоанна, ни бояр, ни купцов, будто странник, одинокий странник, который отыскал, наконец, дорогу к земле обетованной. Земля обетованная для него, Мстислава, – это вершина, вершина недоступная пока, но он верил, что достигнет её, непременно достигнет, она уже где-то рядом, совсем недалеко, надо только идти к ней и не сворачивать в сторону. Вот уже виднеется впереди порог – порог власти, порог величия.

И Мстислав скоро ощутит себя как бы стоящим перед этим порогом, но ещё не могущим через него переступить. Ощущение это не будет покидать его долгие годы, и он будет то озаряться надеждой, то впадать в отчаяние при мысли о невозможности сделать хотя бы шаг дальше к вершине, но всё то будет позже, пока же он уже почувствовал в себе силу, власть, волю, но ещё не дал почувствовать эти свои новые обретенные качества другим, ещё не дошёл до того порога, откуда начинается подлинное величие, но уже подходил к нему с каждым шагом, с каждой минутой, подходил с радостным стуком в сердце, с трепетом в душе, с осознанием близости свершения своих сокровенных мечтаний, чаяний, устремлял взор вдаль, в будущее и проникался, наконец, верой в себя, в своё высокое предназначение на земле.

Глава 11

Туряк стоял бледный, мрачно исподлобья глядя на полное злобы лицо князя Святополка, кусал сухие уста и слушал сыпавшиеся на свою голову гневные слова:

– Почто не повелел ты Климе склонить новгородцев на мою сторону?! Почто, боярин, время зря терял?! Почто смуту, рознь в городе не посеял?! Али позабыл клятвы свои?! Позабыл, как делаются дела эти?! – упрекал его великий князь. – Се тебе не Василько, силён Мономахов сын, нечисть треклятая! Не доверок, птенец! Ничего, сверну ему шею!

– Княже, надобно было подождать с сим. Столь скоро большие дела не вершатся, – прорвался сквозь укоризны и гнев робкий голос Туряка. – А Клима, что он может? Много ли? Князь Мстислав с него очей не спускает. Видать, проведаль что.

– Молчи! – огрызнулся Святополк. – И за то, что дела не сладил, убирайся прочь с очей моих! В Торческ воеводою поедешь, к хану Азгулюю. Ну, ступай же! – Он в раздражении топнул ногой и указал на дверь. – Вон! Вон отсюда! И чтоб духу твоего в Киеве не было!

Туряк выскочил на лестницу, споткнулся о ступеньку, не удержался на ногах и полетел вниз, больно ударившись коленом о мраморный пол. Встав, он отряхнул пыль с кафтана и, хромя, не спеша направился во двор, к своему возку.

Боярин был близок к отчаянию. Теперь никогда уже не стать ему вторым человеком в Киеве, не подняться, не достигнуть величия, не стоять в соборе Софии на хорах рядом с княжеской семьёй, не глядеть с высоты на толпы людей. Его удел – Торческ, самое что ни на есть проклятое место на пограничной Руси, где живут одни полудикие торки, христиане на словах, язычники на деле. О Боже, смилуйся же над грешником!

Туряк был уверен, что знает главного виновника своих неудач. Боярин Гюрята – конечно, это он, лукавый, аки грек, вложил в Мстиславову голову мысли о непокорстве. Он и тут, в Киеве, спорил громче всех. И Туряк клялся, что отомстит за свой позор, что отсечёт Гюряте голову, что посадит его на кол, что заживо сожжёт! Остановив возок, он пересел на коня и, весь дрожа от гнева и ненависти, галопом понёсся вниз по Боричеву увозу на Подол, оттуда метнулся за город, к Красному двору, и целый день носился как бешеный вокруг Киева, стараясь унять ожесточение и досаду.

Вечером, усталый и понемногу успокоившийся, смирившийся с неудачей, Туряк возвращался назад на своё подворье, когда вдруг нагнала его около Михайловских ворот вереница всадников, ехавших с ловов. Всадники оживлённо и весело переговаривались друг с другом. Между ними показалось женское лицо, полное такой необыкновенной красоты, что у Туряка аж ёкнуло сердце. Будто сошла с иконы Алимпия⁸³ Богоматерь и явилась теперь его глазам.

Не в силах отвести от красавицы восторженный взор, Туряк остановил коня и застыл как вкопанный. Всадники не заметили его, занятые разговором, и только дева скользнула очами, серыми, лучистыми, по хмурому Турякову лицу. Но не задержались на нём эти очи – тотчас с улыбкой на устах перевела взгляд девушка на ехавшего рядом с нею темноволосого молодца.

Туряк спешил и долго смотрел вслед всадникам, затем огляделся по сторонам, приметил какого-то старого нищего с тощей котомкой за плечами, окликнул его и, швырнув туго набитый пенязями мешочек, сказал:

– Проведай, что за молодца проезжала. Коли завтра к утру о ней разузнаешь, придёшь на двор боярина Туряка. Втрое боле дам.

Нищий низко поклонился, подобрал мешочек и с подобострастием промолвил:

– Сделаем, боярин.

⁸³ Алимпий (или Алипий) – русский живописец начала XII века, монах Киево-Печерского монастыря.

Поутру, когда на боярском подворье уже вовсю кипела работа – скрипели возы, рослые челядинцы укладывали в лари рухлядь, конюхи запрягали коней, – старик-нищий появился у ворот и велел пустить его к Туряку.

– Ну, что выведаль? – с волнением спросил вышедший в сени облачённый ещё по-домашнему, в белую долгую льняную рубаху, Туряк.

– Девица сия – Мария, дочь Иванко Чудинича, боярина князя Ольга. С гриднями своими в Хрещатой балке охотилась.

Туряк резко вскинул голову, задумчиво сощурил глаза, затем неожиданно злобно усмехнулся.

Глава 12

В Городище Мстислава встретил посадник Павел. Широкий стан его облегалo тёмное шёлковое платно, голову покрывала остроконечная боярская шапка, синий лёгкий коц⁸⁴ развевался за плечами. Со слезами в глазах Павел заключил питомца в объятия, похлопал его по плечу и вымолвил:

– Молодцом, Мстиславе! Тако и надобно с ним, со Святополком. А то вовсе обнаглел, кровушки нашей испить измыслил. Не вышло.

Мстислав раздумчиво покачал головой.

– Чую, вуй, не отступится Святополк от Новгорода. Не вышло б которы великой, как на Волыни.

– Не выйдет, коли станешь родителя своо да меня поболее слушать.

– Слушать?! – внезапно вспылil Мстислав. – Да не столь млад я, чтоб нянчили меня! Свою голову на плечах имею!

– Ой, гляди не возгордись, Мстиславе, – хмурясь, изрёк Павел. – Гордыня до добра не доведёт.

– Правду баишь, вуй. Гордыня непомерная князю не к лицу, – быстро успокоившись, согласился Мстислав. – Об ином мыслил. Отец – далече, тебе вот тоже в Ладогу отъезжать скоро. Потому и княжить мне придётся без советов ваших.

– Се так, Мстиславе, – кивнул Павел. – Одно токмо скажу тебе: с бояр очей не спускай. Не позволяй, чтоб власть они над тобою имели. Всё лепо тогда будет.

– Да, вуй, – помолчав, откликнулся Мстислав. – Боярам послабленья не дам.

Перетолковав с посадником, князь прошёл в горницу и принял там своих тиунов, которые только вчера прибыли в Городище, закончив собирать дань в княжеских сёлах по берегам Ильмень-озера. Мстислав подробно расспросил тиунов, какова нынче дань, много ли пушнины, мёда, воска взяли они и не выражали ли людины⁸⁵ недовольства.

После Мстиславу пришлось снова сесть на коня и, невзирая на непогоду, отправиться в Новгород, на Гаральдов причал. Там на гостевом подворье ждали его германские купцы.

В этой поездке сопровождали князя несколько гридней и Олекса. Дорога шла вдоль берега Волхова, по опушке густого хвойного леса. Мстислав мечтательно глядел вдаль и даже не заметил, как на дорогу из чащи выбрел тощий сгорбленный старик, опирающийся на деревянный посох. Несмотря на холод, странник был одет в одну белую льняную рубаху, которая спускалась почти до пят, мешая ходьбе, и была перетянута на поясе верёвкой. Ноги старца обуты были в лапти. Густые его седые волосы, как и длинную косматую бороду, разметал сильный порывистый ветер.

– Кто ты? – остановил коня Олекса. – Куда бредёшь, старче? Я, Олекса, гусляр княжой, тебя вопрошаю.

На гусляра уставились два светло-серых бесхитростных глаза.

– Зовусь Добросветом, а иду на Вишеру-рецу⁸⁶.

– Подозрителен ты вельми⁸⁷, старче. Благодари Господа, князь наш тебя не приметил. Стал бы выпытывать, что на дороге делаешь. – Олекса поднял голову и, видя, что Мстислав и гридни уехали далеко вперёд, спрыгнул с седла наземь. – Откудова будешь?

⁸⁴ Коц – плащ.

⁸⁵ Людины – категория населения в Древней Руси, свободные общинники. Их зависимость от князя заключалась в уплате дани.

⁸⁶ Вишера – здесь: река в Новгородской области, впадает в рукав Волхова – Малый Волховец.

⁸⁷ Вельми – весьма, очень.

– С Перыни.

– Перынь? – Олекса насупил брови. – Село, что ль, такое? Не слыхал такого места. Где оно?

– Видать, не из здешних ты, гусяр, – рассмеялся, приоткрыв беззубый рот, Добросвет. – В Новом городе, почитай, любой скажет: Перынь – капище. В незапамятные времена ставлено. Про восемь негаснувших костров слыхал?

– Ересь се, поганство, – отрезал Олекса. – Не хочу и знать.

– А зря. Вот ты певцом назвался, а обычаев народных не ведаешь, верно. Боян и Ходына, великие песнетворцы, и то ко мне в Перынь приходили. Сказывал я им про старых богов, они внимали, а после вещими перстами своими по струнам ударяли. Лились тогда чудные песни по сёлам и градам, слёзы из очей людских вышибали. Так-то вот.

– Ты не волхв⁸⁸ ли будешь? – искоса глядя на старца, спросил гусяр.

Лицо Добросвета озарилось такой доброй улыбкой, что Олекса невольно смягчился и перестал хмуриться.

– Нет, гусяр, – молвил Добросвет. – Какой я волхв. Уж и окрещён был, и грамоте разумею. Токмо русич я. Как жить мне без сказов, без песен народных? Вот, сказываю, по молодости и пел, как ты. Нынче стар стал, персты уж непослушны.

– Что ж, уговорил, приеду к тебе в Перынь. Скажи, где капище се?

– Вёрст пять от Нова города будет. На пути к Ильмену. На том берегу Волхова, – охотно отозвался старец.

– Ну, прощай тогда, Добросвет. Свидимся, Бог даст. – Олекса вскочил обратно в седло, ударил боднями коня и помчался догонять Мстислава.

– Куда запропастился? – окинул гусяра недовольным колючим взглядом князь, когда, наконец, запыхавшийся от быстрой езды Олекса нагнал своих спутников.

– Да так, княже. Конь захромал, но потом ничего, прошло вроде.

Уже собирался было Олекса рассказать о встрече с Добросветом, но в последний миг стукнуло ему в голову: ни к чему ведать князю о старце. Вдруг разгневается, измыслит недоброе, велит посадить старика в поруб или ещё чего. Князья – они к старой вере нетерпимы.

...Новгород встретил Мстислава первым снегом. Кружились над землёю белые крупные хлопья, гонимые холодным осенним ветром, а когда ветер немного стихал, они ложились на опавшие листья берёз, осин, клёнов и таяли, образуя мутные грязные лужи, по которым ступали усталые кони. По небу плыли тяжёлые, словно налитые свинцом тёмно-серые тучи, простирающиеся до самого окоёма. Далеко в вышине парили немногочисленные птичьи стаи, то ли вороны, то ли голубиные, – с земли птиц нельзя было различить, они казались маленькими, чёрными, беспрестанно двигающимися точками.

Зная нрав новгородцев, Мстислав надеялся на радостную встречу с пирами на неделю, восторженными речами, скоморошьими песнями, но в городе было спокойно и тихо. Горожане занимались каждый своим делом, и Мстиславу дали понять, что ничего, собственно, особого не произошло. Князь вернулся? А куда ж он денется, как ему не воротиться, если давно уже порешили градские старцы: быть ему в Новгороде.

Конь Мстислава не спеша семенил рысцей по крытым деревянными досками новгородским улочкам. Из-под копыт летели холодные водяные брызги, а за конём бежали и отчаянно лаяли дворовые собаки. От их звонкого лая молодому князю стало вдруг смешно. Надо ж, так ждал встречи с горожанами, хотел услышать хвалу из их уст, а услышал?! Лишь лай собачий!

...На Гаральдовом причале у ладей царило оживление. Здесь жители Новгорода выменивали у иноземных купцов мёд, меха, свечи на сукно, ценные ткани, изделия из серебра.

---

⁸⁸ Волхв – славянский жрец, служитель языческих культов.

Мстислав остановил коня у гостевого подворья, где толпились германские торговые люди. Они поклонились князю до земли, а затем купеческий староста, высокий – на голову выше Мстислава, – полный и широкоплечий Альбрехт провёл его в свои покои, мрачные и тесные. В узкой и длинной палате, посреди которой на грубо сколоченном столе тускло мерцала одна-единственная свеча, стоял резкий запах вяленой рыбы. В высокой печи потрескивали горящие дрова. Свет осеннего дня с трудом пробивался в палату через затянутое бычьим пузырьём маленькое оконце. Усадив Мстислава на покрытую сукном скамью, Альбрехт достал из обитого медью ларца грамоту с договором, загодя составленным вместе градскими старцами, посадником Павлом и германскими купцами, развернул её своими крепкими руками с толстыми пальцами, на каждом из которых сверкало по жуковине, и принялся читать:

– «Мир и дружба да будут отныне меж Новом-городом, Готским брегем и всеми германцами, кои ходят по Восходному морю, ко взаимному удовольствию и той и другой стороны. А если, чего Боже избави, свершится в ссоре убийство, то за жизнь вольного человека платить 10 гривен серебра, пенязями или кунами, считая оных 2 гривны на одну гривну серебра...»

Выслушав германца, Мстислав принял из его рук грамоту, княжеский дьяк привесил к ней на кожаном ремешке вислую серебряную печать, после чего договор увезли на Ярославово дворище, а противень оставили купцам.

Князь долго беседовал с гостями⁸⁹ о Германии, о войне императора Генриха с римским папой.

Альбрехт, усмехаясь, рассказывал:

– Император хотел подчинить себе всю Италию, понастроить везде замков, изгнать из Рима папу Григория, а вместо него посадить на Святой престол Климента, своего епископа. Он вверг Германию в войны, которые опустошили казну, привели в упадок торговлю, по всей стране свирепствовал голод. А чего добился император? Стоял перед папой в Каноссе, босой, в одной рубахе, на морозе и калялся в грехах.

Мстислав молча кивал. Все эти давние уже события были ему хорошо известны.

Тем временем Альбрехт продолжал:

– Генрих хотел привлечь на свою сторону города, но не прислушивался к нуждам торговых людей и ремесленников. Его действия вызвали ненависть у народа, и даже собственные сыновья изменили ему. В конце концов его младший сын, по имени тоже Генрих, сблизился с врагами своего отца – князьями, папой и герцогиней Матильдой Тосканской, разбил войско императора и взял его в плен.

Мстислав со вниманием выслушал рассказ купца, расспросил о Швеции, об острове Готланд, где расположен был торговый город Висбю, и только вечером наконец простился с гостями.

К себе в Городище он вернулся, когда на землю уже спустилась ночь. Князь продрог в дороге, несмотря на то, что одет был в тёплый, подбитый изнутри мехом плащ-корзно, и теперь, когда очутился в своих хоромах, испытал приятное ощущение тепла.

В постели его ожидала не спавшая ещё Христина. Полная, рослая, большая, она навалилась на Мстислава, со смехом придавила его тяжёлым своим телом и, лаская пухлыми руками, стала упрекать:

– Забыл меня, князь. Больше месяца вдали от дома пропадал. Скучала по тебе. Русской молви выучилась, а тебя всё нет. – Она недовольно скривила алые губки. – Приехал – не навестил, сразу в дела окунулся, как в воду с головой. Но теперь... Не отпущу, никуда не отпущу. Признайся: грешил в Киеве?

– Да нигде я не грешил. – Мстислав с трудом вырвался из её объятий. – Не до того было.

---

⁸⁹ Гость – здесь: иноземный купец.

– Ой, Фёдор! – Христина игриво погрозила ему пальцем (она любила называть мужа крестильным именем Фёдор, славянское Мстислав было непривычным для неё, иноземки). – Не лукавь. Правду говори.

– Да правда се сущая. На кресте хоть поклянусь, – засмеялся Мстислав. – Нашла тож о чём сказывать. Ты мне – княгиня, с тобой меня Всевышний соединил, никто мне более не нужен. Ни роба, ни дочь боярская, ни тем паче любострастница какая. Я – князь. Разве дозволю себе во грехе тяжком погрязнуть?!

Христина положила голову ему на грудь.

– Не такой ты какой-то приехал. Иной. Раньше – проще, ближе ко мне.

– Ну вот, опять не такой. На тебя, Христина, не угодишь. То грехи мне неведомые приписываешь, то вдруг я иным стал. – Мстислав развёл руками.

– А я не дура, не думай. Догадалась. Власть ты почуял, возгордился тем, что князю Михаилу волю показал. На детей и смотреть не желаешь. Мальфрид болела, тяжело болела, а ты... Жестокий, и не спросишь о ней. Для тебя, кроме гуслера Олексы, никого на белом свете... А я... Я любить хочу... Власть – страшно от неё, от власти. Власть людей портит, порочит, чужими их делает.

Мстислав молча слушал жену и проводил рукой по её густым светлым волосам. Выходит, он совсем не знал эту женщину, ведь никогда не думал, что способна она догадаться о многом. И вовсе не так она и глупа, как ранее казалось ему, и, наверное, они с ней совсем разные люди.

– Христинушка, а ты б хотела, чтоб я... в Киеве князем стал? – шёпотом спросил он.

Христина изумлённо пожала плечами и засмеялась.

– Да, высоко летаешь, Фёдор.

– А чего? – На Мстислава внезапно нахлынуло красноречие, и не высказанные никому доселе мысли словно вырвались из его уст. – Новгород – стол что ни на есть самый первый на Руси. Вот летопись нынче вести намерен. Ещё поспорю с киевским князем. Волынь, Киевщина, Северянина – все в руинах лежат, везде поганые орды рыщут, всюду которы князьи. Один Новгород в стороне. Так, неприметно, стану сильнее всех, соберу рать, сгоню Святополка. А? Как тебе?

– Страшно, Фёдор. За тебя, за детей. Погубишь ты себя, погубишь меня, всех нас погубишь.

Христина ещё крепче прижалась к мужу.

– Не бойся, – поспешил Мстислав успокоить супругу. – То не скоро будет, да и неведомо, будет ли. Как Олекса сказывает, путаные стёжки у судьбы. Спи спокойно, Христинушка. Здесь, в Новгороде, крепче сесть надобно. О Киеве нечего и помышлять. Слишком много на Руси князей старше меня. Святославичи, отец – их право Киевом володеть после Святополка. А я? Не о том мне покуда мыслить надлежит.

Белая рука Христины скользнула по Мстиславу плечу. Княгиня отодвинулась и забралась под тёплое беличье одеяло.

– Тихо, спокойно жить хочу. Детей растить. Хочу, чтоб рядом и ты был. Но знаю: не удержишь тебя. Ты, как сокол, улетишь за добычей. А вернёшься ли? Так вот и у нас в Швеции. Ждут жёны викингов, порою всю жизнь, стоят на берегу морском, смотрят вдаль – вдруг мелькнёт в тумане родной корабль. Чую: не доживу, не дождусь. А ты дойдёшь, достигнешь. В тебе – воля, смелость. Такие, как ты, не сворачивают с пути.

Мстислав ничего не ответил. Растроганный, ошеломлённый, поражённый внезапным откровением жены, он молчал, думая, сколь плохо ещё разбирается в людях и сколь трудно за мелочными повседневными заботами бывает понять человека, проникнуть в глубины его души. Воистину, чужая душа – потёмки.

Глава 13

Наутро в Городище внезапно явились бояре Ставр и Гюрята Рогович, оба в нарядных длинных кафтанах с высоким воротом: Ставр – в синем бархатном, Гюрята – в красном, с золотой оторочкой в три ряда. Золотом сверкали перстни, гривны, пояса; серебряные обручи перехватывали длинные рукава; высокие горлатные шапки покрывали головы.

Мстислав, в алой суконной свите, встретил их в горнице за крытым белой фландрской скатертью широким столом.

– Здравы будьте, бояре. Ну, сказывайте, с чем пришли? – с усмешкой спросил он, глядя на самоуверенные, полные надменности их лица.

– Старцы градские нас к тебе послали, – хрипло вымолвил Гюрята. – Мыслим, негоже нам боле дань в Переяславль отсылать. Новгород – град великий, вольный, негоже данниками нам слыти. Товары возим в Готланд, в Данию, к мурманам, ко свеям, ляхам, немцам, на югру⁹⁰ ходим, на чудь, в Заволочье. Отец же твой, князь Владимир, двести гривен каждое лето с нас берёт. Не довольно ли?

– Да и тебе, князюшко, пора бы показать себя, – вступил в разговор Ставр. – Хватит в отцовской узде ходить. И Павла, посадника, князем Владимиром ставленного, уברי. Мы Новгороду иного посадника дадим – своего, новгородского. Токмо слово молви супротив отца – весь град воедино встанет.

– Гляжу я, бояре, и дивлюсь, – спокойно выслушав их речи, ответил Мстислав. – Нешто⁹¹ не разумеете, что аще б не отец мой, сидел бы ныне в Новгороде Святополков сын? Ведь не меня, не вас, дураков, испугался великий князь – испугался он князя Владимира. Ибо отец мой – обо всей земле Русской радеть. Кликнул бы раз – вся Русь на Святополка поднялась бы. Так уже было единожды, после ослепленья Василька Ростиславича. Вот и помыслите, что с вами будет, аще крамольничать вознамеритесь. Тут уж князья киевский, черниговский, переяславский все вместе на град ваш вольный рати пошлют. И тогда, окромя разора, ничему не бысть на земле Новгородской.

– Поганые помешают князьям, – нетерпеливо перебил Мстислава Ставр. – Нечего нам бояться. Да и сами Святополк, Владимир да Олыг друг друга перегрызут, прежде чем на наш град глянут.

– Нет, боярин, не бывать тому, – рассмеялся Мстислав. – Не думай. Глядят, и Святополк, и отец мой на Новгород, очей не спускают. Иначе б не ездил я с тобой в Киев. – Он указал на Гюряту. – А поганые – они не помеха. Ну, пожгут село, другое, смердов в полон угонят, так ведь то всякое лето случается. Смирят князья поганых – слыхали, как прошлым летом сговаривались в Сакове⁹².

– Ну вот что, князь! – хлопнул ладонью по столу Гюрята. – Не дашь Новгороду воли – сгоним тебя! Не надобен нам здесь холоп Мономахов!

– И кого посадите? – По лицу Мстислава пробежала полная нескрываемого презрения усмешка. – Святополкова сына? Он ещё крепче вас скрутит и вовсе воли не даст.

– А никого не посадим, сами княжить будем. «Республика» – слыхал про такое? – прищурил око Ставр.

– Да вашу республику князья как червяка раздавят. Соберутся воедино да возьмут Новгород копьём.

⁹⁰ Югра – название хантов и манси в русских летописях.

⁹¹ Нешто – неужели.

⁹² Речь идёт о мирном договоре между русскими князьями и половецкими ханами, заключённом в 1101 году, который в скором времени был нарушен половцами.

Бояре промолчали, глянули друг на друга, поднялись со скамьи и отвесили Мстиславу поклоны.

– Передадим вече слова твои, – молвил Гюрята. – Пушай народ решает, как быти.

– Вече?! Какое вече?! Я вот вам покажу вече! – крикнул охваченный внезапным гневом Мстислав. – Мыслите, князь Владимир гривны ваши в сундуки складывает, как Святополк?! Нет, он на них кольчуги велит кузнецам ковать, копья, мечи булатные, он соборы на них возводит, грады сторожевые строит! То вы мощну свою набить хотите! Но не бывать, не бывать сему! Народу голову морочите, бояре! И се не выйдет! Я на вече сам всё людям скажу. Берегитесь тогда!

– Да ты не кипятись, княже, – поспешил успокоить его Гюрята (Мстислав заметил, что глаза боярина опасливо забегали, а чело озабоченно нахмурилось). – Мы слова твои передадим, а далее как будет, – кто ж ведает?

– А далее, боярин! – грозно сказал Мстислав. – Будет по-моему, не по-вашему!

...Как только бояре уехали, князь вызвал к себе посадника Павла и отрывистым голосом коротко приказал:

– Следить вели за боярами сими. И за людом в Новгороде присмотри. Смутьянов хватать – и в порубы!

– Сделаем, княже, – кивнул Павел.

«Вот они, бояре, каковы! – подумал после Мстислав. – Воли для Новгорода добиваются. Не для меня – для себя у Святополка стол княжой выпорили. А меня, что ж, в холопы свои зачислили? Нет, не позволю. Не буду под их дудку плясать, своя голова на плечах. Оно, может, и неплохо бы – дань отцу не платить, да только что тогда? В боярской воле буду. Окрутят, как тура⁹³ на охоте, затравят, задавят. Нет, нельзя им потакать. На отца надобно опираться и давить, давить сих Ставров, Гюрят, Дмитров, Славят! Иначе величия не достичь».

Так князь Мстислав впервые показал боярам свою волю и, пожалуй, окончательно определил свой путь в жизни – путь к власти, возвышению, славе.

---

⁹³ Тур – вымерший дикий бык, объект охоты в Древней Руси.

Глава 14

На четвёртый день пути из Киева Туряк добрался, наконец, до берега Роси. Река, узенькая, изрядно обмелевшая под лучами жаркого солнца, медленно несла свои воды на восток, к стремительному полноводному Днепру. Отливающая серебром, ласковая, прозрачная, она как будто успокаивала, смягчала ожесточение воинов, сжимающих в руках копьё и готовых в любое мгновение ринуться в бой. Взирая на её тихую гладь, путники забывали на миг свои волнения и заботы, спешивались, крестились, шептали молитвы.

Жизнь человечья подобна реке, думалось Туряку. Как песчинку, как каплю несёт человека судьба, и одному Господу ведомо, какой конец, какая участь ждёт его. Вот эти струи, капли, частицы умчит Рось к Днепру, Днепр понесёт их к далёкому Эвксинскому Понту⁹⁴, а его, Туряка, наверное, уже никакой ветер, никакое течение, никакая дорога не приведёт в Киев, выпало на его долю унылое прозябание за стенами пограничного Торческа. Будет мотать его по пыльной степи взад-вперёд, как перекаги-поле. А может, изготовлена уже и вложена в колчан длинная стрела, коей суждено оборвать его дни на этой земле? Как знать?

Страшно, тяжело, когда теряет человек надежду.

– Далеко до Торческа? – нетерпеливо спросил Туряк старого проводника-берендея⁹⁵, который вёл отряд по степному шляху.

– Тридцать вёрст, боярин.

– Стало быть, скоро доберёмся. – Туряку надоел тяжёлый утомительный путь, где на каждом шагу, казалось, подстерегала его опасность, где в высокой траве за курганами могли таиться свирепые, не знающие пощады половцы...

Кони со всадниками медленно погрузились в воду. Старый берендей уверенно повёл отряд через брод, время от времени оглядываясь: все ли идут, не отстал ли кто.

За переправой кони пошли веселее: видно, холодная вода взбодрила их. Туряк впервые за время пути слабо улыбнулся: может, хоть добраться до Торческа удастся ему целым и невредимым. Пусть маленькая, но всё же удача.

За Росью пашни сменились дикими, поросшими ковылём полями, изредка на пути встречались перелески и густые заросли кустарника. Здесь селились торки и берендеи, которые, спасаясь от половцев, перешли на службу к киевским князьям. Князья прикрывались ими как щитом от половецких нашествий. Правда, не всегда бывали новые вассалы послушны, часто переходили они на сторону половцев и вместе с ними совершали опустошительные набеги на земли недавних своих друзей и покровителей. Не случайно старый берендей рассказывал Туряку о некоем разбойном бее⁹⁶ Метагае, который убежал от хана Азгулуя к половецкому хану Боняку и грабит ныне своих единоплеменников.

К вечеру утомлённые путники добрались-таки до Торческа. Более девяти лет прошло со времени кровавых событий, когда город этот был взят штурмом и разорён ордами свирепого хана Тогорты. Уже и труп хана давно истлел, но горожане продолжали жить в постоянной опасности и каждое лето укрепляли и подновляли крепостные стены.

Торчesk окружал высокий земляной вал, за ним виднелся ров с мутной грязной водой.

Проехав по узенькому, переброшенному через ров мостку, Туряк и его спутники очутились у огромных деревянных стен с башнями-сторожами. Из узких стрельчатых окон насторожённо наблюдали за ними смуглолицые усатые воины.

---

⁹⁴ Эвксинский Понт – греческое название Чёрного моря.

⁹⁵ Берендеи – степной тюркоязычный народ, родственник торкам.

⁹⁶ Бей – глава семьи у степных народов.

Миновав крепостные ворота, Туряк оказался словно совсем в другой стране. Хотя в Торческе и стоял небольшой русский отряд, который опальному боярину и надлежало возглавить, жили здесь в основном оседлые торки и берендеи. Вместо привычных изб и теремов на градских улицах стояли кибитки, юрты и громадные шатры на столбах. Туряку даже почудилось, что попал он на некий базар: всюду мелькали разноцветные шелка, ревели верблюды, продавался скот, изделия из кожи, конские сёдла.

Проводник-берендей ввёл боярина в шатёр, где жил хан Азгулуй. К нему Туряк привёз послание от Святополка.

Хан, худощавый, с короткой, начинающей седеть редкой бородёнкой, высокого роста, скуластый, с большими чёрными, как перезрелые сливы, глазами, одетый в шёлковый полосатый халат, перехваченный поясом с раздвоенными концами, подозрительно искоса оглядел нежданного гостя и пригласил его сесть на ковёр у очага.

Слуги принесли большое блюдо, на котором лежал зажаренный целиком верблюжонок, и кумыс в чашах.

Туряк заговорил на языке торков:

– Приветствую тебя, о достопочтимый хан! Да не застят тебе тучи звёзд на небе! Да сгинут в геенне огненной враги твои, злонравные кипчаки! Да падут они от разящего меча твоего!

– Грамота каназа Святополка есть? – равнодушно выслушав напыщенную речь боярина, хрипло спросил Азгулуй.

Туряк хмуро кивнул:

– Шлёт грамоту тебе князь Святополк.

– Хорошо по-нашему говоришь, – то ли с укором, то ли с одобрением заметил Азгулуй.

Постепенно разговорились. Хан стал жаловаться:

– Хотел на большой пир тебя звать, но, – он развёл руками, – какой сейчас пир? Этот разбойник Метагай не даёт мне покоя. Всего две луны прошло, как этот сын шакала провёл по бродам на Роси орды шелудивого Боняка. А недавно мои сакмагоны⁹⁷ видели его на Гнилом Тикиче⁹⁸. Завтра поедем в степь, боярин. Изловить бы его – снёс бы ему волчью голову!

Туряк согласно кивал. В самом деле, было бы неплохо поймать Метагаю. Он, Туряк, не дал бы Азгулюю умертвить разбойника, отправил бы мятежного бея в Киев. Наверное, Святополк простил бы тогда ему неудачу с Новгородом. А там, может, всё переменится, снова обретёт он свою птицу счастья.

Наутро Туряк вместе с ордой Азгулуя выехал из Торческа. Войско держало путь к берегу Гнилого Тикича, где несколько дней назад Азгулуевы сакмагоны видели торков Метагаю.

Дороги в степи не было никакой, и лошади прокладывали себе путь через заросли пожухлой травы, которая громко шуршала под копытами и заглушала все иные звуки.

Не доверяя особенно торкам, Туряк выслал вперёд небольшой сторожевой отряд из русов. Но Метагаю или его людей нигде обнаружить не удавалось.

Возле берега Тикича простирались широкие, поросшие камышом луга. Всё в этих местах было для вчерашнего стольнокиевского боярина диким, чужим, и он даже нисколько не удивился, когда увидел, что, собственно, никакой реки вовсе нет – за камышовыми зарослями виднелось лишь пересохшее русло с редкими маленькими лужицами.

– Жарко, – сказал ему Азгулуй. – Высохла река. Но дожди пойдут – по-другому будет. Вода будет, большая вода.

Один из торков внезапно резко натянул поводья.

– Великий хан, следы!

---

⁹⁷ Сакмагон – пеший лазутчик.

⁹⁸ Гнилой Тикич – река на территории совр. Украины, в бассейне Южного Буга.

Азгулуй приказал воинам остановиться, спешился и склонился над явственно видными на песке отпечатками конских копыт. Туряк, недолго думая, последовал его примеру.

– Большой отряд прошёл, – сказал хан, тщательно осмотрев следы. – След свежий.

– Думаешь, Метагай? – спросил боярин.

Азгулуй пожал плечами:

– Откуда знать?

– Что будем делать, хан? – Туряк опасливо огляделся по сторонам.

Конечно, было бы славно полонить сего Метагая, думалось ему. Но что-то не очень хочется гоняться за ним по степи. Стрела какая лихая, шальная, и во гроб ляжешь, боярин Туряк.

– Знаю, как догнать Метагая, – лукаво сощурился глаза, отозвался после недолгого молчания Азгулуй.

– Что ж, погоним? Не опасно ли?

– Погоним, боярин. – Азгулуй презрительно усмехнулся, вскочил на коня, взмахнул нагайкой и, увлекая за собой остальных торков и русов, ринулся галопом через пересохшее русло.

Дальше всё происходило для Туряка будто во сне. Сначала неистовая скачка, свист ветра в ушах, перепуганная стая галок над степью, коршун, парящий высоко в небе, затем – дикие вопли, гортанные крики, ржание обезумевших, извивающихся свечой коней, лязг сверкающих сабель.

Кто-то налетел на Туряка, хватил его по голове саблей, но боярин успел увернуться, и лишь скользнуло смертоносное оружие по шелому, лязгнула сталь по стали; кого-то Туряк рубанул наотмашь, от души, а потом он словно очнулся ото сна, перевёл дух и понял, что сидит уже не на коне, но на земле, а сражающиеся ускакали куда-то в сторону. Рядом с боярином корчился в предсмертных судорогах торок – не свой, чужой, – хрипел что-то неразборчивое, непонятное, изо рта его хлестала кровь.

Туряк встал и осмотрелся. Вдали, возле небольшой рощицы двое торков волокли по земле опутанного арканами пленника. К Туряку на взмыленном скакуне подъехал обрадованный Азгулуй.

– Попался, разбойник! – воскликнул он, указывая на полоняника.

Торки с арканами остановились перед ханом, спешились и подняли на ноги облепленного комьями грязи могучего высокорослого человека средних лет. Очи пленника пылали яростью, рот его был аж перекошен от лютой злобы.

– Помесь шакала и свиньи! – Азгулуй выхватил из ножен саблю. – Заплатишь головой за пролитую кровь! Изменник! С кипчаками⁹⁹ снюхался, с Боняком Шелудивым, сыном собаки! Брод ему на Роси показал! Да падёт за это меч на твою голову!

– Постой, хан, не кипятись, – остановил его Туряк. – Мыслью, нет славы тебе пленника убивать. Пошлём его в Киев, ко князю Святополку. Пусть он и вершит над ним суд праведный. Уж князь, верно, не позабудет, кто татя сего полонил, в милости нам с тобой не откажет.

Азгулуй насупился, долго молчал, но в конце концов, тяжело вздохнув, согласился:

– Ты прав, боярин. В Киев отвезём Метагая.

Туряк улыбнулся. Что ж, Бог, кажется, смилостивился и послал ему утешение, надежду.

В груди боярина радостно заклокотало сердце. Может, место посадника в Турове или в Пинске и княжья сестра вовсе не потеряны для него навсегда? Как знать?

На обратном пути в Торческ Азгулуй спросил Туряка:

– Скажи, боярин, из каких мест род твой? Говоришь по-нашему хорошо, и лицом на нас похож, и имя у тебя как наше.

---

⁹⁹ Кипчаки – самоназвание половцев.

Туряк усмехнулся:

– Да нет, хан. С Волыни я. А имя – оно от Турьи, речка такая близ Луцка¹⁰⁰ есть. Волость моя родовая там.

На том разговор и кончился. Молча ехали они по степи, глядя на алеющую на западе вечернюю зарю. Заканчивался трудный, тяжёлый, но принёсший удачу день. Сколько таких дней будет у них здесь, на степном пограничье? Наверное, немало. Немало будет и обид, и досад, и пролитой крови. Вечное противоборство Руси и Степи, вечные стычки, вечные опасности – таков удел тех, кого забросила судьба на многострадальную землю Поросья.

---

¹⁰⁰ Луцк – город на Волыни, на реке Стырь.

Глава 15

Огромный медведь, губастый, ярый, с клочьями обвислой шерсти и ранами от собачьих клыков, вырвался из чащи леса на край густо поросшего малинником неглубокого оврага и набросился на Мстислава столь неожиданно, что не успел князь сообразить, что к чему. Рука как будто сама собой выставила навстречу бешено ревущему зверю копьё-рогатину, но было уже поздно. Древко переломилось пополам, а спустя мгновение страшный удар медвежьей лапы пришёлся Мстиславу в живот, порвав кольца доспеха и нижнюю рубаху. Больше он ничего не помнил. Резкая дикая боль сковала мускулы, он падал куда-то вниз, от боли невозможно было вздохнуть. Перед глазами возникли некие странные тёмно-красные полосы, но затем и они исчезли. Окутал Мстислава непроницаемый мрак, порой его охватывала жгучая нестерпимая боль, он стонал, не понимая, что же происходит, и опять проваливался в зияющую бездну, в пропасть, из которой не было никакого пути. Да, славная получилась на этот раз охота!

Много позже вдруг возник перед Мстиславом сухонький сторбленный седобородый старец. Внимательно, с видимым участием смотрел он на раненого молодого князя, шептал что-то, потом достал из дорожной сумы туески и жбанчики, стал вынимать коренья, порошки, мази, принялся прикладывать их к Мстиславовым ранам, натирать мазями, приговаривая:

– Охранил тебя, княже, Господь от гибели в когтях дикого зверя! Не настал ещё час твой, не пробил! Всё в руках Всевышнего: и жизнь малого, и жизнь великого! Одолеешь когда болести свои – не забудь, восхвали Господа! Ну и меня не забудь помянуть в молитвах!

Боль в животе постепенно стала стихать. Словно одними прикосновениями дланей своих старик излечивал, укрощал доселе нестерпимое жжение. Но вот старец исчез в одно мгновение, так же внезапно, как и явился. Мстислав открыл глаза. Первое, что он увидел перед собой, был белый оштукатуренный потолок палаты городищенского терема. Он попытался приподняться, но тотчас повалился обратно на обитую бархатом и сукном широкую лавку. Не было сил, и снова возникла боль, правда, не такая острая и резкая, как раньше.

– Лежи тихо! – услышал Мстислав шёпот матери.

Княгиня Гида, в чёрном повойнике на голове, склонилась над сыном.

На Мстислава уставились красные, воспалённые от бессонных ночей, полные беспокойства материнские глаза.

– Наконец ты пришёл в себя. Думаю, опасность для твоей жизни миновала. Слава Христу! Гида размашисто положила крест, затем перекрестила и своего болящего первенца.

Она села на стульчик возле лавки. Мстислав начал было говорить:

– Здорово ж меня медведь подрал!..

Мать решительно оборвала его:

– Молчи покуда! Нельзя тебе много говорить. Кровь пойти может. И не поворачивайся, на спине лежи!

Всё же Мстислав рассказал ей о своём видении.

– Это святой целитель Пантелеймон! Он тебя вылечил, сын, – заметила Гида. – Не напрасно молилась я дни и ночи. Внял Господь!

Позже, когда Мстислав начал уже понемногу вставать с постели и ходить, узнал он, что от удара медвежьей лапы у него выворотило наружу все кишки. Воистину, случилось чудо, что он остался жив.

«Нет, хватит с меня сих охот! Вот так погибнуть глупо! – простучала в голове мысль. – Бог послал мне знак, предупреждение, дал понять: не стоит разминивать жизнь на дела мелкие. Уберёг он меня, сохранил для дел больших».

Потом Христина рассказала ему:

– Мать твоя, она тебя выходила. Ни я и никто другой не смог бы. Сама она тебе живот зашивала, сама внутренности укладывала. Говорила, не раз приходилось раненых исцелять. Твёрдая она, твоя мать. Я бы такой матерью гордилась!

Упав в горнице перед Гидой на колени, князь растрогался и разрыдался.

– Не меня благодари, но Бога. И Пантелеймона-целителя. Я что?! – Гида грустно усмехнулась. – Женщина земная суть.

Мстислав расцеловал сухонькие маленькие материнские руки, все в голубых прожилках. Что бы там она ни говорила, а вот они, руки эти, и спасли ему жизнь.

Поперёк живота у него теперь протянулся глубокий багровый шрам, надвое разрезавший пуп. По обе стороны от него пролегли несколько шрамов поменьше – то были следы от медвежьих когтей.

– Тогда, на ловах-то, Олекса с посадником Павлом тебя из-под зверя вытащили да кишки твои сложили и от грязи очистили, – заметила Гида. – Их благодари. Медведя же боярин Гюрята заколол. Говорит, непростой тот медведь был. Двух смердов княжеских из окрестных сёл задрал. Людоед, иным словом.

– Я, матушка, свечку в соборе Софии поставлю. И молитву прочту. И церковь в честь святого Пантелеймона возвести велю.

– Церковь поставить – дело доброе, сын, – согласилась, одобрительно кивнув головой в чёрном повойнике, княгиня-мать. – Только я об ином думала. Вон Христина твоя на сносях опять. Если мальчика родит, нареки его в честь святого целителя. Чтоб охранял его от бед и напастей...

Когда в скором времени родился у Мстислава и Христины второй сын, Изяслав, дали ему крестильное имя Пантелеймон, как и хотела княгиня-мать.

Гида любила подолгу держать на руках крохотного младенца и с радостной улыбкой вглядываться в его личико.

– Князь вырастет. Воин, правитель, – частенько говаривала она, качая малыша.

Глава 16

В месяце апреле, когда растаяли под лучами тёплого вешнего солнца снега, освободились ото льда бурные славянские реки, на деревьях появились листочки, колышущиеся под порывами холодного ещё порой ветра, на лугах зеленели первые стебельки молодой травы, а по дорогам бежали звонкие журчащие ручьи, спешил в Великий Новгород из Переяславля молодой воин. Ехал быстро, рысью, часто менял коней на постоялых дворах: заметно было, что везёт некую важную весть. Воин, видно, был не из бедных – облачён он был в голубого цвета плащ из дорогого сукна с серебряной застёжкой-фибулой у плеча. Под плащом поблёскивал панцирь из гладких булатных пластин, голову покрывала розовая шапка с широкой меховой опушкой, ноги же обуты были в жёлтые сафьяновые сапоги. На надетом через плечо ремне висела сума из тиснёной кожи, в каких обычно гонцы возили важные грамоты.

Воину, наверное, не было и двадцати лет – выглядел он очень молодо, и только-только начинала расти у него на лице жесткая русая бородёнка.

На вопросы встречных ратник отвечал коротко, говорил лишь, что едет в Новгород ко князю Мстиславу, а более сказать ничего не смеет, князь Владимир не велел.

Меж тем следом за странным этим воином уже скакали по земле гонцы с вестью о великой победе, одержанной русскими войсками над половцами на берегах реки Молочной. Где течёт такая речка, люди толком не знали, разве какой купец вспоминал: да, вроде есть такая речушка, впадает в Сурожское море¹⁰¹; но только и ходили в те дни разговоры, что об этой реке, о битве, которая приключилась близ неё, да о ратной славе русских витязей.

Мблodeц тем временем добрался до новгородских застав за Смоленском, на попутной купецкой ладье миновал разлившуюся Ловать, Ильмень и спустя несколько дней очутился в Городище, у князя Мстислава...

– Из Переяславля, говоришь? – спросил, пристально рассматривая молодца, Мстислав. – Грамоту отца привёз? Что ж, лепо, лепо. А на словах князь Владимир ничего тебе передать не повелел? В грамоте-то токмо о битве с погаными. Ты сам-то в бою был?

– Был, княже. – Гонец улыбнулся. – Помог Господь, посекли супостатов.

– Знаю, – коротко отрезал Мстислав. – Знаю, что посекли. Ты мне скажи лучше, откудава сам будешь? Как звать тебя?

– Зовут меня Велемиром, а родом я с Нова города. Отец мой – боярин Гюрята Рогович.

– Вот как! – удивился князь. – То-то, гляжу я, вроде похож ты на боярина Гюряту. Давно служишь в дружине переяславской?

– Да третий год, княже.

– Сколько ж тебе лет?

– Осьмнадцать. – Юноша в смущении опустил голову.

– Ну вот что, добрый молодец, – с усмешкой промолвил Мстислав. – Гляжу, притомился ты вельми с дороги. Отдохни в гриднице¹⁰², а после прошу за стол. Угощу брашном, вином добрым, олом. Тамо за столом с гусяром Олексой, другом моим, и побаяем о сече.

Велемир не стал противиться и направил стопы в гридницу. Снял и положил на ларь у изголовья плащ, стянул с плеч кольчугу, отстегнул широкий пояс с серебряной бляхой, рядом с одеждой поместил меч в украшенных чеканкой ножнах, разулся и, чувствуя подступающую к телу усталость, растянулся на жёстком ложе.

Но спать молодцу так и не пришлось: взволнованный необычайной вестью, в гридницу ворвался Олекса.

---

¹⁰¹ Сурожское море – Азовское море.

¹⁰² Гридница – помещение в княжеском тереме, где жили гридни.

Давно уже юный гусяр мечтал прославиться, принести хоть какую-нибудь пользу людям, заняться большим, достойным мужа делом. Совсем наскучила ему жизнь в княжьем тереме, казавшаяся пустой, никчемной, он уже терял веру в себя, в свои силы, в возможность что-либо изменить в этой унылой однообразной жизни, и вот вдруг судьба уготовила ему встречу с таким необычным человеком, ещё столь молодым, но уже сумевшим найти своё дело, стать знатным, добрым воином.

Задыхаясь от волнения, Олекса растолкал гонца и решительно потребовал:

– Расскажи, друже, что на Молочной реце было.

Велемир, несмотря на усталость, с готовностью принялся рассказывать:

– Ну, пошли рати по Днепру, пешцы – на ладьях, ну а мы, комонные, – вдоль берега. До порогов за малым не дошли, остановились, ладьи ко берегу пристали. Ну, стояли тамо день, выгружали с ладей полти мяса да снедь разнообразную, складывали в обозы. Потом пошли посуху в степь. Я сам в переяславской молодшей дружине шёл, под началом воеводы Дмитра Иворовича. Четыре дня по степи ехали, а после вызвал князь Владимир сына своего Ярополка в шатёр и повелел ему со смолянами да с ростовцами идти на сторожу половецкую. В стороже у поганых был хан Алтунопа, он у них славился особливо уменьем ратным да хитростью. Но воевода Дмитр и князь Ярополк обхитрили лукавого хана: обступили его рать со всех сторон так, что он сперва и не приметил. Ни один поганин из сторожи живым не ушёл – всех посекали наши. К полудню воротился Ярополк к отцу, и радость велика была во всём войске. Князья собрались на совет, измыслили идти дальше на ворога. На реце на Молочной стали лагерем. А поутру, как светать начало, – я в дозоре тогда стоял, – гляжу, поганые идут. Ну, поднялась наша рать, стали пешцы стеною. Князья хитро измыслили: пешцев в чело поставили, а на крыльях – конные дружины. Поганые-то всем скопом на пешцев ударили, да не тут-то было. Будто о каменную стену, лбы себе порасшибали. Ну а мы всё стоим и стоим. Надоело уж: тут сеча идёт, сабли, мечи сверкают, аж кровь кипит в жилах, а ты стоишь без дела. Но вот, гляжу, подзвал к себе князь Владимир воеводу Дмитра, сказал ему что-то тихо, воевода тотчас мечом взмахнул, – ну тут-то уж мы понеслись! Зла и люта была сеча. Невесть сколько народу сгнуло, и наших, и половчан. Двадцать ханов в сече пало, а одного, Бельдюза, в полон притащили. Ну, князь Владимир велел зарубить его.

– А ты сам-то скольких поганых убил?! – восхищённо взирая на могучие плечи русоволового молодца, спросил Олекса.

– Да уж и не припомню. Одного в полон взял – могуч был, супостат, коня подо мной убил. Я уж его пешим взял: саблю из десницы выбил, свой меч к горлу приставил, он и сдался. Оказалось, торчин, друг Боняков. Сказывают, в прошлое лето поймал его киевский воевода в Торческе, да свои, торки, выкупили у князя Святополка за пять гривен серебра. Он опять к половчинам-то и прибился. Метагаем звать сего торчина. Ну, велел я ему идти за собой следом, а он из голенища нож кривой выхватил и сзади на меня наскочил. Да ударить не успел – воевода Дмитр его палицей по голове съездил, так и растянулся торчин. Мыслили, уж тут ему и конец, ан нет, живуч, сын собачий. Оклемався, ныне в порубе у воеводы сидит.

– Вельми занятно повестуешь ты! – воскликнул Олекса. – Ну а дальше-то что?

– А что дальше? – пожал плечами Велемир. – Дальше воротились мы ко Днепру, оттудова к Переяславлю пошли. В Переяславле пир был, певец Ходына песнь славную сложил.

– Ходына?! – Олекса вскочил со скамьи. – Друг мой Ходына! Он что, тоже бился?

– Да нет. Какой из него ратник? Он иным славен – песнями. Поёт – заслушаешься!

– Ох, верно се! – молвил со вздохом гусяр. – Лучше его не сыскать ныне на Руси певца.

И он, и ты, и князья наши, и воеводы, и пешцы – все похвалы достойны. Один я, – Олекса снова тяжело вздохнул и горестно махнул рукой, – сижу здесь, ем, пью с княжого стола, а ни разу и поганого-то в лицо не видал. Буду просить князя Мстислава, отпустил бы меня в дружину ко князю Владимиру. Что здесь киснуть? А ещё скажу: полюбился ты мне, хлопец. Как послушал

тебя, легко на сердце стало. Ведаю теперь, что мне надобно. Сесть бы на коня да мчать на ворога.

– Так, может, и вместе поедем, – улыбнулся Велемир. – Я ведь в Новгород ненадолго. Отца, мать, брата малого навещу, да и в обратный путь. Скакал сюда, неведомо сколько коней сменил на пути, торопил меня с грамотой князь Владимир. Уж никому о грамоте не говорил, думал: тайное в ней что. Ну а оказалось – то же, что у всех на устах: про битву, про победу нашу.

Олекса кивал головой и тихо повторял раз за разом:

– Буду, буду просить князя Мстислава.

...Мстислав, когда выслушал Олексовы мольбы, разгневался, заходил по горнице из угла в угол, заговорил, размахивая в возбуждении руками:

– Длани у тебя чешутся, что ль?! Али иных дел у нас в Новом городе мало?! Зимой, глядишь, на чужь в поход соберусь, на емь¹⁰³ тоже ходить придётся. Может, и ко свеям, душе любезным родичам, загляну. Попирую у них в Сигтуне. Вот сколь дел ратных! А ты всё – поганые да поганые! Без тебя с ними управятся. Уже управились – слышал ведь, что Велемир баит?

– Слышал, княже, – опустив голову, вымолвил Олекса.

Вопреки доводам князя, он продолжал упрямо стоять на своём:

– Токмо, сказывал мне Велемир, многие ещё ханы живы, многие с Шаруканом на Дон утекли, а на Днепре Боняк со своими ордами хоронится, ждёт часа удобного, дабы набег учинить.

– А аще голову свою сложишь?! Да тебе б... – Мстислав вздохнул. – Песни б слагать. А по полям бранным рыскать – то пускай Велемир.

– А я что ж, сидеть и ждать буду, покуда он всех поганых иссечёт?! – в сердцах выпалил Олекса. – Я тоже хочу подвигом ратным имя своё ославить! И землю родную оборонить хочу! Не могу боле глядеть со стороны, как иные кровь льют, да есть сытно, да пить! Не могу, князь!

Словно из самых глубин души вырвались последние Олексовы слова. Мстислав нахмурил чело, замер, потом пристально оглядел гусяра с ног до головы и, сокрушённо махнув на него рукой, сказал:

– Что ж, езжай, коли не можешь. Зла держать на тебя не стану. Иди, ступай с очей моих.

– Тяжко прощаться с тобою, княже, но прости меня, Бога ради, не могу по-иному. – По щеке Олексы покатила крупная слеза.

Мстислав обнял гусяра за плечи.

– И мне тяжко, – сказал он, кивая головой. – Но ведаю: не удержишь тебя. Ты, аки птица вольная, Олекса. Храни тебя Господь.

Князь троекратно перекрестил Олексу и, тяжело вздохнув, вышел из горницы.

...Всё же Мстислав под разными предлогами продержал Олексу с Велемиром в Новгороде до осени, и только когда уже наступили Симеоны-летопроводцы, наконец, распростился с гусяром, этим единственным так хорошо понимавшим его человеком.

Неужели, думалось князю, никогда более не придётся ему слушать звон Олексовых гуслей, тонкий голос певца, никогда не сможет он поделиться с другом, поведать ему о самом сокровенном, обо всём, что только есть на душе.

Он долго стоял в молчании на крыльце, смотря вслед двоим всадникам, которые медленно ехали вдоль волховского берега.

Что ждёт его, Мстислава, впереди? Холод одиночества, отчуждённость от людей, замкнутость? А может, так и должно было случиться? Может, все великие воистину обречены на одиночество; те, кто стоят над людьми, должны быть одиноки?

¹⁰³ Емь – одно из финских племён.

Мстиславу не хотелось, очень не хотелось такого, но он понимал, что это правда, и лишь молил Бога, дабы уберёг он молодца Олексу от вражьей сабли и аркана, от гибели и беды, наполнил жизнь его подвигами, победами, славой. И ещё, чтоб пусть хоть на день, хоть на миг, хоть единожды пересеклись в грядущем их дороги, чтоб встретились они, князь и гусляр, через много-много лет, чтоб вспомнили дни своей юности и чтоб спел ему Олекса звонким своим голосом печальную песнь.

Глава 17

Дорогой Велемир и Олекса говорили о многом: о князе Владимире, о половцах, о жизни в пограничных степных русских городках и на заставах. Олексе в основном приходилось слушать да иногда задавать вопросы. Велемир оказался рассказчиком добрым – в свои осьмнадцать лет довелось ему побывать во всяких переделках – и полон отбивал у половцев Боняка, и в Ростов с Владимиром ездил, и даже почти всех ханов половецких видел во время встречи в Сакове, где князья и ханы держали совет. Тогда он нёс охрану в шатре у Святополка.

– Боняк – он Шелудивым прозван, – рассказывал Велемир. – Прозвище се дано ему, ибо рожа его вся в язвах гнойных да струпьях. Страсть божья – не рожа! Негоже, конечно, всякой нечисти страшиться, а всё ж скажу тебе – дрожь по телу прошла, как его увидел. Хотя и чист он, и одет в аксамит, сверкает аж золотом. Шарукан – тот на лицо красив. Токмо вонь от его! Верно, годами не мыт. И люди бают, гораздо лютее Боняка он будет. Эх, утёк он от нас на Сутени, срубить бы ему голову! Пушай бы волки да враны во степи им кормились!

За разговорами путники и не заметили, как выехали из густого елового леса, что тянулся вдоль левого берега Волхова, и очутились возле небольшого рыбацкого селения, расположенного на склоне крутого холма. Вдали, за селом, на пологой вершине высились каменные строения монастыря.

– Что се за место? – пожал плечами Олекса. – Вот вроде всё окрест Новгорода объездил, всюду побывал, а здесь не был.

Велемир, видно, тоже никогда не бывал в этих местах; он удивлённо вертел головой, словно ища кого-то.

Из ближней утлой избёнки вышел худой сгорбленный старик, в котором Олекса тотчас узнал Добросвета.

– Дедушка, ты! – обрадованно вскричал юноша.

– А, гусяр! Ну вот, привёл тебя Господь на Перынь, – промолвил с улыбкой старец. – Куда ж путь держите, уноши добрые?

– Далеко, дед. В Переяславль, с погаными биться.

– Доброе, доброе дело, – отозвался Добросвет. – Бог в помощь вам. Я вот тоже по молодости ходил на варягов да на чудь. Под началом посадника Остромира ещё воевал. А ещё ранее на Ромею, на Царьград со князем Владимиром Ярославичем хаживал. На ладьях крепко бились мы тогда со греками – ох, крепко! Ну, не гнушайтесь, уноши, дома моего утлого, входите, попотчую, чем богат. Чай, проголодались в пути. Старуха-то моя суп гороховый сварила нынче. А после расскажу тебе, гусяр, как в прошлый раз обещал, про Перынь нашу, про место се.

Олекса и Велемир, наклонив головы, прошли через узкий низенький дверной проём в тесную избёнку, перекрестились на образа в горнице и сели за грубо сколоченный деревянный стол.

Хозяйка – пожилая женщина в чёрном платке, с лицом, густо усеянным морщинами, – поставила перед гостями глиняные миски с супом.

Велемир подозрительно оглядел стены, обвешанные пучками сухих трав, какими-то кореньями, листьями, и шепнул Олексе:

– Сей старец, что, колдун, волхв?

– Да вроде, баит, нет, – пожал плечами Олекса.

Вряд ли, размышлял он, Добросвет был волхвом. Как-никак в доме его висели иконы, горела тоненькая свечка, а в разговорах старик не раз поминал Господа. И всё же чем-то старинным, языческим веяло и от ветхой этой избёнки, и от урочища, и от самого старца.

Гороховица то ли в самом деле была очень вкусной, то ли просто Олекса и Велемир сильно проголодались с дороги. Поев, они поклонились хозяйке в пояс, поблагодарили за еду и, вняв совету старика, вышли снова во двор.

– Вот, хлопцы, глядите! – Добросвет указал на вершину холма, где виднелись монастырские постройки. – Место се, рекомое Перыню, вельми многим знаменито. Некогда, в давние времена, было здесь капище. Стоял вон там, на горе, деревянный Перун. Из огромного пня высекли его словене. Стоял Перун среди земляного круга. А по краям круга того ров шёл. Ров сей хитро выкопан был. Имел он восемь выступов-лепестков, и в лепестках тех горел огонь негасимый. Охраняли волхвы-кудесники сей огонь, раздували угли каждый день и каждую ночь. А коли по нерадивости хранителя гас огонь, того хранителя убивали, отдавали его тело в жертву Перуну. Иначе несчастья великие постигали людей, гневался Перун, молнии свои метал на землю, посева жёг, дома, житницы, гумна.

– Глупость молвишь ты! Перун твой древо есть, ничто более! – гневно перебил Добросвета Велемир. – Ты сам-то, чай, не волхв ли будешь?

– Млад ещё, а кусаешься, – беззлобно рассмеялся старик. – Никакой я не волхв. А сказываю то, что было, что от отца, от деда слышал. Поклонялись предки наши Перуну, легенды, преданья о нём слагали разные. Хошь, расскажу?

– Расскажи, расскажи, дедушка! – пылко воскликнул Олекса. – Вельми по нраву мне слова твои!

– И чего ересь слушать? – пожал плечами Велемир. – Поганство одно молвишь ты, старик. С тёмными силами, с дьяволом самим, верно, знаешься. О богомерзких вещах сказываешь.

– Не то, не то речёшь, Велемир! – с жаром возразил ему Олекса. – Не поганство се. Се – корень наш, корень народный! – Он снова повернулся к старику и попросил: – Сказывай, молю, Добросвет, сказывай, не слушай его. Глуп по младости своей.

Старик улыбнулся и не спеша принялся рассказывать старое славянское предание.

– Бог грозы Перун обитал высоко на вершине горы, была у него жена Мокошь – жёнка с большой головой и длинными руками. По ночам, когда все ложились спать, садилась Мокошь в избе за пряжу.

Другой бог – Велес – обретался на земле, пас скот и имел много злата. Единожды возомнил он себя равным Перуну и, чтоб доказать всем свою силу, порешил украсть у него жену. Тёмной ночью подкрался Велес к жилищу Перунову, схватил Мокошь и побежал. Да не тут-то было. Разгневался громовеержец, погнался по небу за злым вором, стал метать на землю огненные свои стрелы-молнии. Укрылся Велес под деревом, а Перун молнией дерево расщепил. Спрятался Велес под камень – но расколол Перун камень. Обратился Велес в человека – но признал его грозный бог грома. Уж в кого ни обращался похититель: и в коня, и в корову, – всюду летели в него стрелы огненные. Видит Велес – никуда не деться ему от Перуна. Воротил он тогда ему Мокошь и бежал в страхе великом. В тот же миг полился на землю дождь, и принёс он земле плодородие, а людям урожай славный.

Со вниманием выслушав старца, Олекса спросил:

– Ты и Ходыне сию легенду сказывал?

– Сказывал, гусляр. Он и песнь сочинил после. А ещё про Яровита, бога весны и плодородия, сказывал. Является бог сей по весне в обличье одетой в белое девушки, верхом на коне. На голове у девушки сей – веноч, в деснице – колосья ржаные, а в шуйце – голова человечья.

– Скажи, дед, ты во Христа веруешь? – спросил Велемир. – Сдаётся мне, ты хоть и крещён, да тайком Перуну тут молишься.

– Не молюсь я Перуну, хлопче, ибо крещёный есмь, и во Христа единого верую, – ответил ему Добросвет. – А вот преданья старые собираю я, равно как и травы целебные, и коренья. В них, верно вот гусляр сказывал, корень народный. Ты вот, – обратился он к Велемиру, –

может, уж и на рати великой побывал, а того не разумеешь, что в преданьях сих – Русь наша, кою оборонял ты в поле. Деда наши преданья сии нам подарили.

Велемир махнул рукой и не стал спорить со старцем, спросил только, указывая на монастырь:

– А там что?

– То, хлопче, монастырь. На месте, где Перун стоял, ныне сияет, вельми красна, церковь Рождества Богородицы. Весь наш народ в сей церкви молится. Один боярин новгородский именитый даже повелел схоронить себя тут. А ты сказываешь – Перун. Места окрест давно уж не Перуны. Ведай се.

В избе у старика, на печи юноши и заночевали, а с первыми же лучами солнца поднялись, оседлали коней и двинулись дальше в путь.

Добросвет стоял на косогоре, опираясь на посох, и долго махал рукой им вслед. По морщинистым жёлтым щекам его текли слёзы, словно провожал старик не случайно встреченных путников, а родных своих сынов на жестокую битву со свирепыми половцами.

Глава 18

Был тихий вешний вечер, улеглась суета на Городище, доносился издали плеск волховской волны. Ветер качал стволы зеленеющих тонких осинок, кои росли в ограде княжого двора. По небу на западной стороне плыли лохматые серые тучи. Темнело, наступали сумерки.

Княгиня Гида, шурша чёрным платьем, шитым из дорогого сукна, вышла на широкую площадку гульбища с массивными столпами. Заметив Мстислава, она опустила напротив него на скамью.

– Давно хотела тебя просить, сын, – начала она решительный разговор. – Отпустил бы ты меня в Иерусалим. Поклонюсь Гробу Господню, свечку за всех нас поставлю. Сам знаешь: святой город сей ныне освобождён от мусульман-сельджуков рыцарями-крестоносцами. Граф Готфрид Бульонский основал Иерусалимское королевство на Святой земле. И ещё, стало нам с тобой известно о победе отца твоего над погаными половцами. Расчищен теперь путь речной по Днепру, безопасен он стал. Всюду твой отец сторожи расставил, от Переяславля до самого Олешья¹⁰⁴. Вот и поплыву я на ладье.

– Ох, матушка! – Мстислав сокрушённо покачал головой. – Путь во Святую землю тяжёлок и опасен. Не ездила бы ты. Ну давай пошлём кого-нибудь. Иерея какого, монаха али епископа. Тебе-то зачем самой?

– Обет дала я, сын. И верую, сохранит меня Господь. Равно как тебя исцелил от ран тяжких. Помолюсь за вас всех, чада мои, за здравие ваше. И за упокой родителей моих, за отца, короля Гарольда, от стрелы нормандской смерть принявшего, за мать, Эдгиту, от тоски и горя увядшую, за тётку Гунгильду, святую женщину, в монастыре в Кёльне почившую.

Мстислав смотрел на плохо видимое в сумеречном свете лицо матери, обрамлённое монашеским куколем, хотел было заспорить с ней, но понял всю бесполезность и ненужность слов и лишь с горьким вздохом махнул рукой.

– Ведаю: не отговоришь тебя, мать. Что ж, ездай, коли так. Охрану тебе дам, самых дружинников лучших. Чтоб берегли тебя в пути.

– Что монахиню бедную охранять! Чай, не княгиня уже. – Гида грустно усмехнулась.

– Ты – мать князя! – теперь уже решительно настаивая на своём, оборвал её Мстислав, сдвинув брови. – Не спорь со мною.

Гида промолчала, снова усмехнувшись и покачав головой.

До поздней ночи сидели они вдвоём на гульбище, говорили мало, больше молчали, вспоминая прошлое.

«Свидимся ли когда? – думал Мстислав, подымая очи и взирая в необъятную звёздную высь. – Воистину, неисповедимы пути Господни».

Всё-таки ему верилось, что мать ещё вернётся к нему в Новгород, ещё построжит, и не раз, своих сыновей, ещё и отца поругает, и наставит его, первенца своего, строгим голосом.

...Ладья с княгиней Гидой, облачённой во всё то же строгое чёрное платье, отчалила от городищенских вымолов рано утром. Отблески зари розовели на спокойной чистой глади Волхова. У Мстислава щемило сердце, когда смотрел он на тоненькую фигурку матери с куколем на голове, медленно поднимающуюся по крутым сходням. Вот княгиня Гида обернулась, махнула на прощание ему, словно птица крылом, широким рукавом чёрного одеяния, и скрылась в ладейной избе. Не в силах смотреть вслед быстро убегающему вдаль судёнышку, Мстислав отвернулся и закусил губу, чтобы не расплакаться.

...Олекса покинул его, теперь мать уехала в неведомую даль!

¹⁰⁴ Олешье – древнерусский город в устье Днепра, место складирования товаров.

«Ну что же! Новые люди придут, новые встречи будут, новые заботы! Так устроен мир!» – старался утешить себя двадцатисемилетний князь, мягко ступая ногами в жёлтых тимовых сапогах по дощатому настилу пристани. Поднявшийся ветер колыхал за спиной пурпурное корзно. Следом спешили грядни и отроки.

Глава 19

В Переяславле в тёмном сыром порубе скрипел зубами от лютой злобы торок Метагай. Ноги его окованы были железными цепями, приделанными ко вбитым в стену кольцам, – шаг-два от стены, и более не ступишь. Сидел Метагай, обхватив руками голову, и выл, глухо, дико, как затравленный раненый волк.

До чего несправедливы к нему добрые духи! Почему не защитили его, не уберегли от неволи?! В чём провинился он, чем прогневил их?!

Всего за какой-нибудь год оказался Метагай в порубе уже во второй раз. Сперва пленили его свои, торки, служившие киевскому князю. Хан Азгулуй, наверное, тогда бы и срубил ему голову, но помешал боярин Туряк, велел отвезти в Киев под стражей. А позже уже и сам Азгулуй, вняв советам многочисленной Метагаевой родни, выкупил его у златолюбивого князя Святополка, и снова почувствовал он свободу, пришла, вернулась к нему былая дерзость, смелость, не стал он служить Азгулую, а ушёл на Донец к половецкому хану Бельдюзу. И вот теперь... Трудно даже понять, как это случилось... Какой-то мальчишка-урус!.. Ох, до сих пор скрежещут зубы и сжимаются в кулаки руки! Как он (он, Метагай!), в поединке со всяким кипчаком, торком или урусом доселе неизменно бравший верх, был побеждён?! Словно коршун, налетел на него с тяжёлым мечом урус, выбил саблю чудовищно сильным ударом и взял в полон. Уж лучше пусть убил бы, чем так!

После повелел урус ему идти за собой, и тут вскипел Метагай, проснулась в нём дикая кровь, вынул он из голенища засапожный нож, ринулся сзади на ненавистного врага, но не успел прикончить его, прирезать, как собаку. Удар палицы сшиб его с ног, как дерево срубает топор. А столь близка была в тот миг свобода!

О чём мечтал сейчас Метагай, так это чтоб сняли с него тяжёлые опостылевшие цепи, дали в руки саблю и позволили в честном бою расквитаться с обидчиком. А потом – пусть хоть и смерть! Лишь бы смыть в жарком поединке вражьей кровью свой позор! Он, Метагай, был воином, поэтому и умереть хотел как воин, в бою, а не сгнить в сырой темнице в цепях.

Скрипнула где-то наверху дверь, и по крутой каменной лестнице в поруб спустились два боярина. Обоих Метагай признал сразу: один – Туряк, что спас его тогда от неминуемой гибели, второй – воевода Дмитр Иворович, страшный для любого степняка русский богатырь.

– А ну, нечисть поганая, встань! – крикнул Метагаю воевода. – Всё скулишь, волчья твоя душа! Вот боярин Туряк приехал из Торческа, выкуп за тебя привёз. Да токмо нет тебе никакой веры! Сбежишь опять ко дружку своему Боняку!

– Окрестить его надобно, воевода. Воин крепкий, а крест святой от всякого греха удержит, – вкрадчиво, тихим голосом заметил Туряк. – Добрые воины нам нынче, сам ведаешь, как надобны. Послал меня князь великий Святополк град Юрьев на Роси отстраивать. Там застава новая будет, туда и пошлю торчина.

– Ох, сбежит, боярин! – покачал головой Дмитр. – И крест святой для таких лиходеев, что есть он, что нет вовсе. Вон хан Осень, отец княгини Всеволодовой, Анны, хоть и окрещён был, а сколько душ православных сгубил.

– Отпусти его, воевода. Я из зверя сего ратника доброго сделаю! – взмолился Туряк. – Предан Руси будет.

– Руси он предан не будет! – решительно возразил воевода. – Но вот тебе, спасшему его от смерти, может статься, и будет верен. Что ж, бери сию вражину!

Метагай, понимавший по-русски, с жадностью вслушивался в слова бояр. Сердце его заколотилось от радости. Неужели он правильно понял?! Воевода готов вернуть ему свободу?! Неужели вторично избегает он лютой смерти?!

Пали оковы, и Метагай, ещё не оправившийся полностью от ран, шатаясь из стороны в сторону, хромая, поплёлся, охраняемый боярскими слугами, на подворье, которое занимал Туряк.

...В тот же день Туряк привёл Метагая в красивую каменную церковь с золотым крестом на куполе.

«Великое богатство! – глядя на золотой крест и свинцовый купол церкви, думал Метагай. – Взять бы себе, стал бы самым богатым в улусе».

Станный человек в дорогом одеянии, с длинной седой бородой, велел ему раздеться и залезть в большой чан с водой.

Длиннобородый долго говорил какие-то малопонятные слова, а после повесил на шею Метагая маленький золочёный крестик.

Метагай радовался этому кресту как ребёнок, которому подарили красивую игрушку, и всё никак не мог понять, зачем боярину Туряку понадобилось выкупать его у воеводы.

Глава 20

Просторный, запряжённый тройкой низкорослых лохматых половецких лошадей возок медленно катил по твёрдой, мёрзлой уже земле, наезжая на кочки и поминутно поскрипывая.

Стоял ноябрь, или, как называли этот месяц в народе, грудень, от слова «грудки» – смёрзшиеся комья земли.

Давно осыпались с деревьев последние листья, и могучие дубы, грабы, берёзы, осины стояли жалкие, потерянные, унылые. Сама природа навевала грусть и звала к невесёлым размышлениям, к воспоминаниям о прошедшей юности.

Князь Владимир Мономах, погружённый в думы, смотрел в маленькое оконце на проплывающие мимо небольшие лесочки и широкие поля. Здесь, среди этих лесов и полей, пролетела вся его жизнь, но не замечал он в бесконечном кружении державных дел ничего вокруг себя, весь целиком погружался, как в воду с головой, в заботы: ходил в походы, собирал дань, творил суды.

Нынешним летом Владимиру исполнилось уже пятьдесят лет, а ему всё не верилось, что стучится в двери старость, ведь столь много важных деяний ещё ждут его в грядущем. Ещё и половцы не смиренны окончательно, и княжеские распри не пресечены.

С жадностью ловил Мономах вести со всех уголков Русской земли. Он всегда старался держаться в самой сердцевине событий, не уходить, не убежать в сторону, за что и пользовался, как никакой другой князь на Руси, славой и уважением. К его советам, его желаниям прислушивались все князья, его поддержкой дорожили в любом, пусть самом ничтожном деле.

Владимир неизменно бывал спокоен, рассудителен, никогда не рубил сплеча, когда надо – проявлял осторожность, выдержку, когда надо – смелость, решительность, старался зачастую наперёд рассчитать, предугадать ход событий, а уж терпеть и ждать своего часа умел, наверное, как никто иной.

Он, собственно, и теперь ждал – ждал, надеясь шагнуть, наконец, на последнюю свою вершину – вершину, казавшуюся когда-то недостижимой, взойти на которую уже один раз он мог, но не стал, сознавая, что вершин не бывает без твёрдых, крепких оснований, без подножий.

Тогда, ровно десять лет назад, Владимир уступил отцов «злат стол» в Киеве своему старшему двоюродному брату, Святополку Туровскому. На стороне того были и киевские бояре, и Ярославов ряд – «лествица». Кроме того, на Русь в те годы беспрестанно нападали половцы, и для борьбы с ними всем князьям надо было сплотиться.

Теперь, по прошествии трудных и долгих лет, всё стало по-иному, но он, князь Владимир, дальновидный, проницательный, знал: гидра половецкая ещё не сокрушена, ещё живы Боняк с Шаруканом, Сугра с Аепой, а это означает, что предстоят ещё жаркие схватки на поле брани, и не время думать о киевском столе.

А Киев с годами всё сильнее и сильнее привлекал, манил к себе стареющего Мономаха. Порой хотелось ему, пусть всего на один день, но сесть на «золотой стол» – стол отца, деда, прадеда, пусть всего на миг, но ощутить себя первым на Руси.

У каждого человека свой предел желаний, своя мечта. У него, Владимира, такой мечтой был Киев, он стоял сейчас где-то уже на самом пороге, вблизи великого стола. Уже многие бояре, купцы, иереи, посадские люди глядели в его сторону, понимая: вот кто истинный владыка, вот кто может защитить. Поля и нивы – от половецких набегов, боярские хоромы – от гнева простолюдинов, бедняков – от произвола ненасытных бояр и тиунов-лихоимцев.

Люди разных сословий верили Владимиру, как никому другому, и ему было приятно сознавать, какое множество народа стоит за него. Иной раз хотелось даже собрать дружину, занять Киев да прогнать Святополка куда-нибудь в Пинские болота. Но тотчас князь одёргивал

себя: за Святополком великая сила – митрополит, ляхи, Печерский монастырь, купцы, ростовщики, а главное – за него Ярославов ряд. Кроме того, ежели начнётся смута, снова Боняк с Сугрой пойдут на Русь, снова запылают дома крестьян, снова погонят половцы по пыльным степным шляхам сотни невольников – русичей, связанных верёвками и арканами.

Нет, нельзя допускать такого, нельзя идти на поводу у своего честолюбия. Непомерное честолюбие ведёт к бессилию, к безвластию и, что ещё горше, к тяжким грехам.

Владимир приоткрыл дверцу и выглянул из возка. Впереди в тумане виднелся уже Переяславль, окружённый огромными земляными валами – его, Мономахова, вотчина.

Устало вздохнув, князь закрыл дверцу и опустил обратно на мягкую лавку. Думы поползли в иную сторону.

Недавно он получил недобрую весть из Полоцкой земли. Отказался подчиняться воле старших Глеб Меньский, один из сыновей покойного князя Всеслава. Подобно своему отцу, Глеб отличался буйным свирепым нравом и, не боясь ни Бога, ни дьявола, – никого на свете, – с наглостью совершал, будто половец, набег на полоцкие и смоленские волости. Посмел он потревожить даже и самого Святополка – ходил осаждать Слуцк, город Туровского княжества.

Владимир уже пересылался гонцами и со Святополком, и со своим сыном Ярополком, княжившим в Смоленске, и даже с Олегом Святославичем, и все князья подтверждали свою готовность наказать хищника. Особенно старался Олег. Владимир усмехнулся. Олег единственный из всех князей отказался выступить нынче в степь, придумав пустую и подозрительную отговорку: «Нездоров». Без него состоялась великая победа на Молочной, и вот теперь пытался новгород-северский владетель оправдаться перед Владимиром, слал ему в дар возы с шёлком, парчой, табуны отменных быстроногих коней. Запуганный, побеждённый, Олег жаждал заглядить былую вину, исправить свою ошибку.

Из своих вотчин приходили к Владимиру вести хорошие, радовали его подросшие сыновья – и Мстислав, и Ярополк, и Вячеслав. Вели они хозяйство справно и во всём были послушны отцу – об этом писали посадники и воеводы, сообщали тиуны. Крепко сидели князья Владимировой корня на Русской земле, крепче, чем кто-либо другой, и превращались постепенно в грозную, неодолимую силу, которой побаивались и Святополк в Киеве, и Святославичи в своих черниговских вотчинах, и иноземные владыки. Радовала Мономаха и двухродная племянница Предслава, дочь Святополка. Почти каждый месяц слала она из Эстергома длинные тайные послания, в которых рассказывала о делах своего свёкра, короля Коломана, сообщала о Хорватии, о кораблях, какие строил Коломан на Ядранском море, об угорской коннице, об отрядах из диких печенегов, влахов и бессарабов. Писала Предслава и о происках латинских бискупов – епископов, тревожилась, что Коломан ни в чём им не перечит и всегда следует советам римского папы Пасхалия.

Недавно Предслава была выдана замуж за сына Коломана, Ладислава, но молодой муж её внезапно скончался спустя несколько дней после свадьбы. Собралась было дочь Святополка возвращаться к отцу в Киев, но Коломан, очарованный её красотой, уговорил остаться на некоторое время, а затем, как понял Владимир, силою возложил юную Предславу на своё ложе. Возмущению девушки не было предела, она пожаловалась отцу, но Святополк словно забыл о существовании дочери – ему была нужна союзная Угрия во главе с Коломаном. Уменьшая Предслава это быстро уразумела. Наружно она смирилась со своей ролью жертвы похоти стареющего короля мадьяр, но как могла, мстила и вредила обоим: и отцу своему, и Коломану. Вот и спешили тайные гонцы в Переяславль, к Мономаху, и в Германию, к молодому императору Генриху Пятому. Лучшего соглядатая ни тому ни другому было не сыскать.

«Умница, Предславочка! – думал с улыбкой Владимир. – Разбирается в делах державных паче мужей иных».

Возок миновал посад, торжище, проехал через Княжеские ворота, мимо Михайловского собора и остановился возле княжеского дворца.

– Приехали, княже, – молвил молодой воевода Ольбег Ратиборич.

– Лепо, Ольбег. – Князь легко, как в молодости, спустился с возка наземь и бодро зашагал к высокому мраморному крыльцу.

– Князь Владимир Всеволодович! – раздался внезапно со стороны ворот звонкий молодой голос.

Князь круто обернулся. К ступеням крыльца, запыхавшись, бежал облачённый в лёгкий калантарь¹⁰⁵ воин.

– С Нова города я, от сына твоего, князя Мстислава! – взволнованно выпалил юноша. – Возьми меня в дружину свою! С погаными биться хочу!

– Что же ты сыну моему служить не стал? – нахмурившись, сердито спросил Владимир. – Али не по нраву тебе у Мстислава было?

– Да князь Мстислав сам меня к тебе отпустил. Возьми, княже! – взмолился молодец. – Верой и правдой служить стану.

– Что ж то будет, аще все ко мне побегут? – Владимир недовольно качнул головой. – Ну да ладно уж. Коли пришёл, куда ж тебя девать? Возьму в молодшую дружину. Как звать-то тебя?

– Олексой кличут.

– Не о тебе ль сказывал мне сын единожды? На гусях, баил, играешь?

– То он про меня сказывал, – зардевшись, смущённо пробормотал Олекса. – Токмо певец из меня никудышный. С погаными биться хочу.

– На поганых нынче не пойдём. Но уж коли биться вельми жаждешь, коли не терпится – пойдёшь под началом воеводы Дмитра на Глеба, князя меньского. Тамо и покажешь, чего твой меч стоит. Ну, ступай.

Олекса поклонился князю до земли и с радостным блеском в глазах бегом помчался в детинец, где жила молодшая дружина.

---

¹⁰⁵ Калантарь – защитный доспех из гладких металлических пластин, скреплённых кольчужным плетением, без рукавов. Состоял из двух половин и застёгивался на боках и плечах.

Глава 21

В Изяславовой палате, ярко освещённой хоросами, царила благочинная тишина. На двух длинных скамьях, стоящих вдоль стен, друг против друга сидели разодетые в парчу старый Перенит, дядька Святополка, два брата Вышатича и Туряк, который после удачной службы в Торческе и в Юрьеве снова был в милости у великого князя.

Святополк, сидевший в высоком кресле во главе стола, чуть прищурился зоркие чёрные глаза, негромко заговорил:

– Нет охоты, но придётся супротив Глеба на Меньск¹⁰⁶ идти. Чересчур обнаглел, зарвался Всеславич. У меньшого брата, Давида, волости оттягать хочет, Мономаховы вотчины такожде тревожит, Смоленск занять мыслит. Мономах, бают, не на шутку гневается, с Ольгом сносится, рать готовит на Глеба. Что думаете, бояре? Как нам быть?

– Дозволь слово молвить, – поднялся, опираясь на посох, седобородый Перенит. – Я тебе, княже, заместо отца был. Хитрости и уму державному обучал тебя. Потому послушай, какой совет дам. Пошли на Глеба Путяту, он в ратном деле смыслён, худо не сотворит. Сам ведаешь, Меньск – орешек твёрдый, не взять его так запросто копьём¹⁰⁷. Но, мыслю, аще и Мономах с Ольгом, и князь полоцкий под Меньск придут, и сёла, и волости меньские жечь почнут, испужается Глеб. Тогда Путята пушай всяко осаду затягивает и втайне со Глебом сносится. Пушай бы оставил Глеб в покое землю Пинскую и Слуцк, а Орша, Друцк, Копысь – до сего нам дела нету. Мир со Глебом надобен. Мономаха с Ольгом убедим: не взять Меньска, нечего стоять под стенами невесть сколько. Аще Всеславич мешать не станет, можно б тогда сызнова Василька с Володарем поприжать.

– Верно сказывает боярин, – поддержал Перенита Путята. – По его совету и содеять надобно. Ибо ни к чему тебе, княже великий, война со Глебом. Надобно первым делом галицких осилить, а вторым – от поганых отбиться.

– А третьим делом – торговлю надо налаживать, с уграми, с ляхами, с немцами. Аще же рать великая грядёт – до торговли ли тогда? – добавил Туряк. – А, стало быть, доходы казне меньше будут.

– Глеба же не обманешь, не выманишь из Меньска, – снова заговорил Перенит. – Измором, верно, и то не взять града сего. Вельми укрепился, супостат этакий. Запасов еды да воды там, верно, на целый год хватит. Да и посуды сам, княже. Ну, побьют Глеба, а тебе какая от того выгода? Никакой. Наоборот, Ольг, Мономах да Всеславич Давид косо глядеть на Киев примутся, ибо станут они сильны. А так пушай Глеб им досажает, он им яко кость в горле. Пушай они друг дружку грызут. Ослабнут токмо, а ты сильнее всех будешь. Никто тебе тогда не помешает и Галич своей воле подчинить, а там, глядишь, и Новгород самый.

Святополк в раздумье потупил очи, но спустя несколько мгновений резко вскинул вверх голову и властным голосом промолвил:

– Повелеваю тебе, Путята, идти со князьями Мономахом и Ольгом на Глеба. И как боярин Перенит тут советовал, втайне с ним сносись. Токмо гляди, чтоб ни едина душа о сём не проведала. Ты же, боярин Туряк, с торками вместе следи больше за ратями Мономаховой и Ольговой, гляди, как и где воеводы посты сторожевые ставят. Не приметил бы никто ненароком, чем Путята занят. А аще кто чего вдруг проведает, тому успевай вовремя глотку заткнуть. Учить тебя не буду, сам ведаешь, как.

Бояре кланялись великому князю до земли, и только восьмидесятивосьмилетний старец Ян, старший брат Путяты, хмурил седые брови. Не по душе были ему Святополковы лукавства.

¹⁰⁶ Меньск – Минск.

¹⁰⁷ Взять копьём – овладеть штурмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.